

ОНА ЕДИНСТВЕННАЯ, КТО
НЕ БОИТСЯ МОЕГО ЗВЕРЯ
И НЕ СЧИТАЕТ ЕГО
ЧУДОВИЩЕМ

ИМПЕРИЯ ФЭЛЛОН
НАСЛЕДИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАРИ МУР

Мари Мур

Наследие

<https://litres.ru/74025964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дамиан Фэллон наследник темного ирландского трона. В его мире нет места слабости, эмоциям и чувствам. Опасный и расчетливый, не подпускающий к себе никого. Он думает, что все контролирует. Но София Эйнсворт вносит в его план настоящий хаос. Рядом с ней его жизнь становится даже близко не похожей на ту, к которой он привык. Но его враги, скрывающиеся в тени, совсем рядом, и готовы забрать то, что стало его единственной слабостью.

София Эйнсворт росла в богатстве и ни в чем не нуждалась. Ей хотели подражать и завидовали миллионы. Красивая сказка снаружи, но жестокая реальность внутри. С детства она знала, насколько клан Фэллонов опасен и жесток. Она держалась подальше от всего, что могло ее с ним связывать. Но Дамиан Фэллон нашел ее и без разрешения ворвался в ее мир. Опасный, суровый и грубый. Но также единственный, кто готов стереть с земли любого, кто ей угрожает. Сможет ли чудовище превратиться в прекрасного принца до того, как с розы упадет последний лепесток?

Содержание

Дисклеймер	4
Предупреждение	5
Плейлист	6
Пролог	7
Глава 1. Этот день настал	18
Глава 2. Изгнанный	30
Глава 3. Фэллоны и смерть – это синонимы	49
Глава 4. Сделка	64
Глава 5. Убийца и тень	88
Глава 6. Вторжение	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Мари Мур

Наследие

Дисклеймер

Сразу хочу предупредить: перед вами не легкая история, с которой можно провести вечер, мило хихикая. Это темный остросюжетный любовный роман. Здесь вы будете строить теории. Угадывать и ошибаться. Будете влюбляться и обжигаться вместе с героями об их опасные чувства.

Приготовьтесь к опасному криминальному миру, сильным героям и сумасшедшей любви. И не забудьте:

Все не то, чем кажется.

Предупреждение

В книге встречаются:

- Описание убийств*
- Убийство животных*
- Сцены жестокости*
- Похищение*
- Оружие*
- Сомнительные действия главных героев*
- Откровенные сексуальные сцены*
- Ругательства.*

Плейлист

Angel – Massive Attack

Frozen – Madonna

Join Me – HIM

Just Dance – Lady Gaga

Iris – Goo Goo Dolls

SexyBack – Justin Timberlake

Come Undone – Duran Duran

Genie In A Bottle – Christina Aguilera

To The Moon & Back – Savage Garden

Bitter Sweet Symphony – The Verve

California – Mylène Farmer

My Favourite Game – The Cardigans

Пролог

ДАМИАН

Пятнадцать лет назад

Алая жидкость течет по траве, просачивается в трещины и впитывается в землю. Острые белые клыки вонзаются в тело. В ночном тихом воздухе раздается угрожающий звериный рык, за которым следуют звуки раздираемой плоти.

Мой желудок подскакивает к горлу, когда в сорока футах¹ от меня огромный ротвейлер цепляется мертвой хват-

¹ Около 12 метров.

кой в шею мужчины. Он лежит посреди поляны, и в свете садовых фонарей я отчетливо вижу, как беззвучно шевелятся его губы.

А затем он замирает и обмякает.

— Кто следующий? — спрашивает Джозеф.

На нем деловой костюм с галстуком и блестящие туфли. Недавно он победил на выборах и был избран в сенат. Но я знаю, он не добился бы этого без поддержки моего отца.

— Мне рекомендовали вас как лучших, — продолжает Джозеф.

Он смотрит на толпу здоровенных бойцов, сложенных как супергерои. Каждый из них молчит и не двигается. Только на их лицах мелькает что-то похожее на испуг, когда один из людей Джозефа хватается за ошейник лающего ротвейлера и заводит его в клетку. Его оскаленная морда испачкана кровью мужчины, которого он сгрыз минуту назад.

Это уже третий за сегодняшнюю ночь.

Беспощадный пес не оставил никому ни единого шанса.

— Думаю, это была плохая идея, — произносит мой отец ледяным тоном. — Они трусливые сукины дети. Я зря трачу на них время. Пора все это заканчивать.

Внезапно из толпы отделяется боец. Он выставляет перед собой руку с поднятыми вверх двумя пальцами в виде «V». Символ победы.

— Я готов, — говорит он с мрачным весельем. — Я выбирался и не из такого дерьма.

— Давай, покажи всем нам, чего ты стоишь, — командует Джозеф.

Боец идет в центр поляны. Он высокий, почти такого же роста, как мой отец. Чем ближе он подходит к клеткам, тем свирепее рычат в них собаки. Сегодня их доставили в наше поместье и, по словам Джозефа, всю жизнь готовили как машин для убийств.

Боец останавливается и выдергивает из-за пояса ремень. На нем он нащупывает скрытую кнопку, и спустя мгновение наружу выстреливают шипы.

— Стой, — его прерывает Джозеф. — Главное правило: никакого оружия.

— Мне велели только сдать оружие, — боец указывает на другой конец поляны, где стоит корзина, наполненная автоматами, пистолетами, ножами и другим снаряжением.

— Никто не запрещал использовать то, что надето на мне, — продолжает он и бросает с вызовом. — Или я ошибаюсь?

— Ты ходишь по тонкой грани между дерзостью и неуважением, — говорит отец. — Но в твоих словах есть доля правды. Я приказал только сдать оружие. Главное правило остается прежним...

Он замолкает и указывает на мужчину, стоящего в другом конце сада. На нем надет специальный защитный костюм для дрессировки: рукава и штанины прошиты прочным материалом. Голову скрывает шлем с металлической сеткой.

— Он не должен пострадать, — заканчивает отец.

— Тогда продолжим, — Джозеф щелкает пальцами, и на его мизинце сверкает массивный золотой перстень.

Один из его людей отпирает дверь клетки и выводит ротвейлера с мощной грудью и оскаленными клыками.

— Да начнется охота, — объявляет он. — Взять!

Как только собаку спускают с цепи, она становится словно одержимая бесом. С громким рычанием ротвейлер несется на мужчину в экипировке. В этот момент боец обматывает ремень вокруг рук и набрасывается на собаку.

Они оба падают на траву. Одним резким движением боец накидывает ремень псу на шею. Шипы впиваются в шерсть, и ротвейлер начинает скулить. Его вой приводит в бешенство остальных собак в клетках. Они отрывисто лают и набрасываются на прутья. Под их весом трясется решетка.

Боец не расслабляет хватку и продолжает душить пса. Тот тяжело дышит, изворачивается и пытается вырваться.

Но все бесполезно.

Собака издает последний судорожный вой.

Отбросив мертвого ротвейлера, боец поднимается на ноги. Его руки перепачканы кровью, на лице выступает пот. Он первый, кому сегодня удалось пройти испытание.

— Я же обещал, что соберу лучших, — Джозеф обращается к отцу. — Он станет достойным телохранителем для Дамиана. Осталось отобрать еще двоих.

— Хочу проверить, насколько он хорош, — отец не разделяет его ликующего тона. — Выпускай остальных псов.

Джозеф хмурится.

— Так никто не пройдет этот отбор. Три ротвейлера против одного... — он смотрит на бойца, как на приговоренного. — У него нет ни единого шанса.

— Он использовал ремень и шипы, о которых не говорилось в правилах, — парирует отец. — Теперь собак будет три. Новое правило: ему больше не нужно никого защищать. Он должен выжить сам.

Он переводит взгляд на бойца:

— Если хочешь — беги.

Боец испуганно смотрит на Джозефа, надеясь, что тот откажется и сохранит ему жизнь. Проходит несколько секунд, прежде чем Джозеф кивает.

— Открыть все клетки, — распоряжается он.

— Боже... — за моей спиной раздается тихий встревоженный голосок.

Обернувшись, я вижу Ребекку. Моя приемная сестра наблюдает за происходящим с побледневшим лицом. В ее больших карих глазах отражается ужас.

Рядом с ней стоит Фрэнк. Это сын друга моего отца. Сегодня он несколько раз просил дать ему пройти испытание, чтобы доказать преданность нашей семье. Но для всех он все еще пятнадцатилетний мальчишка.

Громкий металлический скрежет заставляет меня повернуться. Я вижу, как человек Джозефа снимает собак с цепей.

— Взять! — приказывает он.

С тихим предупреждающим рыком собаки срываются с места. Их глаза налиты кровью, широкая грудная клетка вздымается от скорого бега.

Боец замахивается, ударяя ремнем по морде первого из ротвейлеров. Брызги крови разлетаются в воздухе. От этого пес становится еще больше свирепым и набрасывается на мужчину, повалив его с ног. Он оказывается сверху и раскрывает пасть, обнажая клыки.

Раздается отчаянный крик.

Крик помощи и пощады.

Я делаю шаг в сторону, загораживая спиной Ребекку. Не хочу, чтобы сестра видела, как ротвейлер сгрызает лицо человека. Его тело дергается, когда два других пса разрывают его на куски. Под ним образуется лужа багрового цвета.

Кажется, дикое рычание и звуки булькающей, пульсирующей крови никогда не затихнут. Ночной воздух нашего сада пропитывается тошнотворным сладким запахом. Я бросаю взгляд на то, что осталось от бойца, и к горлу подступает желчь.

Наконец на собак застегивают цепи и затаскивают обратно в клетки.

— Кто-то из вас еще хочет обсудить правила? — мрачно спрашивает отец, обведя взглядом бойцов. — Кто следующий?

Повисает молчание. Никто не осмеливается сделать шаг и обречь себя на смерть.

— Я это сделаю.

Мимо меня проходит Фрэнк и встает в центре поляны. Среди бойцов раздаются смешки.

— Ты точно решил? — спрашивает у него отец.

Фрэнк кивает и смотрит на ротвейлеров в клетках.

— Я знаю, что у меня мало шансов, — он бросает на меня взгляд. — Но если потребуется, я отдам жизнь за Дамиана.

— Я спрошу в последний раз, — отец с невозмутимым спокойствием обращается к Фрэнку. — Ты уверен?

Тот снимает с себя куртку и сворачивает ее несколько раз. Затем подносит к груди импровизированный «щит», закрывая лицо и горло.

— Да, — без колебаний отвечает он.

Отец поднимает руку — сигнал, чтобы выпускали псов. Раскрывается дверь клетки, и за моей спиной Ребекка кричит во весь голос, словно ее режут.

— Нет!

Я опускаю голову и сжимаю кулаки.

Не хочу это видеть.

Фрэнку всего пятнадцать. Это будет бессмысленная смерть.

Но я ничего не могу сделать. Отец никогда не меняет своих решений.

Раздается лай и металлический звон. Я поднимаю голову и вижу Фрэнка. Напротив него ротвейлер поднимается на задние лапы. Его пасть раскрывается, обнажая клыки. Он хо-

чет наброситься на Фрэнка, но его удерживает цепь, натянутая до предела. Ее звенья дребезжат каждый раз, когда пес кидается вперед в нервном возбуждении.

— Глупость и смелость не одно и то же, — отец идет к Фрэнку и опускает руку ему на плечо. — У тебя еще будет шанс доказать преданность нашей семье. Но не сегодня.

Он обводит взглядом бойцов.

— Видите, что отличает *васот нас*? Вы слабые и трусливые. Пятнадцатилетний мальчишка оказался смелее каждого из вас.

Джозеф качает головой.

— Эти парни лучшие в своем деле, — возражает он. — Ты дал им невыполнимое задание.

Отец бросает на него тяжелый взгляд, который я не могу распознать. После этого он велит Фрэнку вернуться на место, а затем смотрит на меня.

— Дамиан, иди сюда.

Я быстро подхожу к отцу и поднимаю на него взгляд. Он возвышается надо мной — темноволосый, высокий и широкоплечий. Его синие глаза блуждают по моему лицу.

— Верь мне, — говорит он и отдает приказ своим людям. — Открыть все клетки.

Ужас мгновенно захлестывает меня.

— Пап, не надо! Они же сгрызут нас!

— Пока я жив, с тобой ничего не случится. Встань за мной.

Если секунду назад мне было страшно, но теперь я каменею от ужаса.

— Не надо! — я хватаю за руку отца. — Пожалуйста, не надо!

Я повторяю эти слова снова и снова. Как будто других слов в этом мире не существует. Как будто эти слова дороже всех клятв на земле.

В это мгновение чувствую, как тонкие пальчики обхватывают мою руку. Повернувшись, я встречаюсь взглядом с Ребеккой. Она стоит рядом и произносит дрожащими губами.

— Закрой глаза, — шепчет сестра.

Я зажмуриваюсь, улавливая рычание, лай и топот тяжелых лап по земле. Страх постепенно оборачивается гневом. Я злюсь на себя, на отца и на этот безумный отбор.

Ребекка сильнее сжимает мою руку, и я открываю глаза.

Они уже совсем рядом.

Несколько людей папы направляют автоматы на бегущих собак. Внутри меня загорается надежда. Но в следующую секунду ее разбивает отец.

— Опустить оружие! — приказывает он.

Я сглатываю, приготовившись к худшему. Отец продолжает стоять на месте и не двигается ни на дюйм.

А затем я перестаю верить собственным глазам.

Все три ротвейлера, как по команде, ложатся на землю. Они перестали дико рычать и теперь поскуливают только от одного взгляда отца.

Моего отца.

Грэга Фэллона.

Он приближается к одной из собак, наклоняется и протягивает руку, чтобы погладить ее морду, испачканную кровью.

— Мне говорили, что ты машина для убийств, — производит он, и пес поскуливает. — Сегодня у тебя был шанс...

Он лезет за пояс и достает пистолет. Прикладывает дуло к голове ротвейлера.

— Но ты им не воспользовался, — отец нажимает на курок.

Я вздрагиваю от выстрела. Пес заваливается на бок, его мозги разлетаются по траве.

Отец подходит к следующей собаке. Он гладит ее и приговаривает обманчиво ласковым голосом:

— Это не больно. Я сделаю это быстро. Ты ничего не почувствуешь.

Выстрел.

Еще один.

Рядом со мной трясется Ребекка. Ее тело так же, как и мое, пронзает дрожь. Но только она дрожит от страха, когда на ее глазах убили псов, а я...

Я не могу определить это чувство.

— У каждого из вас сегодня был шанс, — отец проходит вдоль строя бойцов. — Но вы трусливое дерьмо, на которое я больше не собираюсь тратить ни секунды своего времени.

Он отворачивается и уходит.

— Убить их всех, — командует он.

Без колебаний его люди поднимают оружие.

А затем ночную тишину Вестчестера² прерывает автоматная очередь.

² Округ в штате Нью-Йорк, который известен разнообразной загородной недвижимостью: от частных домов и земельных участков до элитных резиденций.

Глава 1. Этот день настал

СОФИЯ

— Эта ночь наша.

Амбер подмигивает мне и проводит помадой цвета бургунди по своим пухлым губам, когда я давлю в пол педаль газа. Из динамиков гремит «Just Dance» Lady Gaga, пока за окном мелькают стеклянные фасады небоскребов. В них бликуют огни неоновых вывесок и рекламных витрин.

Я останавливаюсь на светофоре, и потоки пешеходов пересекают Мэдисон-авеню. Их быстро перемещающиеся си-

луэты отображаются на глянцевом кроваво-красном капоте моего Ferrari.

Амбер сидит на пассажирском кресле и опускает все окна, позволяя громкой музыке наполнить и без того шумный Манхэттен.

Резкий рев двигателя заставляет меня повернуть голову. Рядом с моей машиной тормозит мотоцикл. Сидящий на нем парень отрывает от руля руку и поднимает на шлеме визор.

— Поехали со мной, — он по-хозяйски опускает ладонь, обтянутую перчаткой, на мое окно. — Я покажу тебе, что такое настоящая скорость.

Я посылаю ему обворожительную улыбку.

— Прости, красавчик, но у меня другие планы.

В этот момент Амбер выдвигается вперед и повышает голос, стараясь перекрычать песню.

— Приятель, возможно в другой жизни тебе повезет!

— Не слушай ее, — я подмигиваю незнакомцу. — Ты классный. Но сегодня у меня важный день. Я готова отказать даже самому Джеймсу Франко.

На светофоре загорается зеленый свет. Мотоциклист сжимает рукоять руля, и раздается мощный рокот.

— Надеюсь, еще увижу тебя, — говорит он и опускает визор.

— Эй, сбавь обороты! — кричит ему Амбер. — У тебя нет ни единого шанса!

Мотоцикл издает громкий вибрирующий гул, когда па-

рень вырывается вперед и поднимает в воздух переднюю часть байка. Он проезжает на заднем колесе несколько футов, прежде чем исчезает из вида в потоке машин.

— Выпендрейник, — выносит вердикт Амбер.

— Зачем ты так с ним? — я поворачиваюсь к ней.

— Я всего лишь сказала ему правду, — она пожимает плечами и небрежно бросает помаду в клатч. — Зачем давать лишнюю надежду?

Я срываюсь с места и задумчиво постукиваю пальцами по рулю.

За всю жизнь у меня было не так уж и много мужчин. Но все они были одинаковыми: успешными, богатыми и до невозможности скучными. Они источали пресную идеальность во всем — от безупречной укладки волос до подошвы дизайнерской обуви. Едва в них можно было разглядеть что-то настоящее и живое.

— Иногда мне хочется чего-то такого... — признаюсь я.

— Чего-то дикого, необузданного и безумного.

— Надо же, малышку Софию Эйнсворт потянуло на темную сторону.

Амбер провокационно проводит языком по губам, отчего я взрываюсь от смеха.

— Мы отклонились от курса. Сегодня ты должна забыть обо всем, — нараспев произносит подруга. — С этого дня начинается наша новая жизнь. Это как второй день рождения. Понимаешь, о чем я?

Не успеваю ответить, как она достает из-под сиденья бутылку «Кристал Брют» и собирается ее откупорить.

— Даже не думай об этом! — восклицаю я. — Ты испортишь мне салон!

Пожалуй, больше, чем за свою коллекцию туфель от Manolo Blahnik, я переживаю за мою новую спортивную малышку с турбированным двигателем.

— Если я этого не сделаю, то ты испортишь мне вечер, — почти обиженно заявляет подруга.

Она нажимает на одну из кнопок приборной панели, и на крыше открывается люк. Амбер поднимается с сиденья и высовывается наружу. Ее бунтарские, непослушные кудри развеваются на ветру, когда она запрокидывает голову и смеется.

— Этой ночью на небе зажгутся две новые звезды подиума! — визжит она.

Я улыбаюсь и напоминаю ей тоном строгой мамочки:

— Мы подъезжаем.

В это мгновение над моей головой раздается хлопок. Пенящаяся жидкость забрызгивает лобовое стекло, и стеклоочистители начинают усердно смахивать шампанское за семь тысяч долларов.

Амбер садится в кресло и протягивает наполовину опустевшую бутылку. Я сворачиваю на Парк-авеню и делаю несколько глотков, ощущая, как шипучая и прохладная жидкость освежает горло.

— Сейчас я закрою глаза, — с придыханием говорит Амбер. — И открою их только тогда, когда мы подъедем. Хочу запомнить этот момент на всю жизнь.

Я тихонько посмеиваюсь.

Амбер совмещает в себе два противоречивых качества. сентиментальность и сухой цинизм. С равным успехом она может цитировать Шекспира и воспевать любовь. А уже через пятнадцать минут не постесняется предложить секс на одну ночь горячему красавчику из Морнингсайд-Хайтс.

Я продолжаю ехать по Парк-авеню между параллельными рядами деревьев. Яркие неоновые вывески и рекламные щиты на небоскребах сменяются зданиями с элегантно-классической архитектурой.

Мой взгляд задерживается на отеле «Уолдорф-Астория». В ночи здание сияет тысячами огней. У его центрального входа толпятся фотографы и папарацци, желающие запечатлеть прибывших гостей презентации.

— Мы уже подъехали? — нетерпеливо спрашивает Амбер.

— Почти.

— Тогда почему ты еле ползешь? — она капризно надует губы. — Выжми газ! Я не собираюсь сидеть вечно с закрытыми глазами.

— Не хочу привлекать лишнего внимания, — возражаю я, понимая, как это тоскливо звучит.

— В таком случае тебе надо было покупать Ford. Твоя яр-

кая красная Ferrari создана для того, чтобы на нее все пялились и облизывались. Давай, набирай скорость! — с жаром выдает Амбер. — Я хочу услышать, как кончает эта малышка!

Я нажимаю на педаль газа ногой, облаченной в блестящие туфли на высокой шпильке. Стрелка спидометра стремительно поднимается. Раздается глубокий рокот мотора.

— О да! — Амбер радостно взвизгивает. — Это лучший стон в моей жизни!

Я включаю стояночный тормоз, отчего машина уходит в занос. Под задними колесами вырывается дым. Я выезжаю на встречную полосу, выкручиваю руль и с визгом останавливаюсь у центрального входа отеля с красной ковровой дорожкой.

— Теперь можешь открыть глаза, — сообщаю я.

Амбер поворачивается к окну, рассматривая у входа толпу журналистов.

— Поверить не могу, что они тут все из-за нас, — выдыхает она.

Мы выбираемся из машины, демонстрируя длинные ноги. Со всех сторон на нас обрушивается шквал фотовспышек. Я передаю ключи парковщику и уверенно прохожу вперед.

Моя спина прямая, плечи расправлены. Я контролирую каждый шаг и бесстрастное выражение лица. Со временем ношение маски вошло в привычку. Я держу «нейтральное» лицо, даже когда не появляюсь на публике. Никто не может

распознать, какую именно эмоцию я испытываю.

— Наконец этот день настал, — Амбер с восхищением оглядывает толпу, что нас окружает. — Скажи мне, что это не сон. Иначе я отказываюсь просыпаться.

Для этого вечера она выбрала обтягивающее платье в тон своей помады с открытыми плечами и ключицей. На мне классическое маленькое черное платье.

Мы приближаемся к центральному входу, где нас дожидается Стефан.

— Софи, — он идет навстречу и притягивает меня к себе, чтобы нежно поцеловать в губы. — Ты как всегда чудесно выглядишь.

Стефан стройный и высокий, но мои пятидюймовые каблуки делают наш рост почти одинаковым. Его волосы чуть ниже плеч с идеальным пробором, которые сегодня он собрал в хвост.

Это мой парень, с которым я встречаюсь три месяца.

Мой личный рекорд.

Обычно мои отношения заканчиваются, едва успев начаться.

Все дело в том, что у меня нет особого интереса. Если выбирать между тем, чтобы расслабиться в теплой ванне после десятичасовой фотосъемки, и свиданием в шумном тусовочном баре, то я предпочту первое.

Стефан, как и я, работает моделью. Он успешный и популярный. Добавьте к этому его последний проект – съемка

для нижнего белья Calvin Klein, и мне можно не упоминать о его выразительных шести кубиках пресса.

Мы оказываемся внутри «Уолдорф-Астория» и проходим мимо охранников в стандартных костюмах. С грацией ангелов мы поднимаемся по лестнице в фойе. Здесь много колонн и еще больше сводов под высокими потолками, украшенных позолоченной лепниной и живописными сценами из греческой мифологии.

— Идем, я со всеми тебя познакомлю, — Стефан обвивает рукой мою талию. — Хотя ты не нуждаешься в представлении. Эта ночь заменяет несколько лет нашей карьеры. Все новые и нужные связи находятся именно здесь.

Он поворачивает голову и прикасается губами к моему виску.

— Я так за тебя рад. Ты этого достойна...

— Еще не было официального заявления, — напоминаю ему я.

Стефан беззаботно смеется, словно я ребенок, сказавший вслух наивную детскую глупость.

— Никто не сомневается, что это будешь ты, — уверенно заявляет он. — Все уже решено. Это простая формальность.

Из фойе мы проходим в бальный зал с куполообразным потолком. Я осматриваюсь вокруг. На высоких стенах от прожекторов отображается световое шоу. Лазерные лучи повторяют элементы из последней коллекции. Вдалеке установлен гигантский экран, транслирующий моменты из глав-

ного кастинга.

На фоне играет лаунж и щебечет толпа. Это не только разодетые в экстравагантные костюмы модные редакторы, модели и фотографы. Я узнаю многих актеров, музыкантов и звезд реалити-шоу.

Стефан ловит взгляды знакомых, когда я принимаю бокал от официанта. Я выпиваю шампанское, пока на экране показывают крупным планом мое лицо.

Амбер находит мою руку и сжимает ее.

— Чувствуешь? — волнительно шепчет она. — У меня вспотели ладони. Как же долго тянется время. Почему нельзя взять и просто перемотать стрелки?

— Не волнуйся, — я ободряюще прижимаю ее к себе. — Осталось немного.

Стефан и Амбер принимаются увлеченно разговаривать со звездным фитнес-тренером, когда в моей сумочке начинает звонить телефон. Я достаю его и смотрю на экран.

Папа.

Стефан переводит взгляд на дисплей моего мобильного, и его безмятежная улыбка гаснет. В последнюю встречу он намекал о совместном семейном приеме. Но я все перевела в шутку, сославшись на занятость папы.

Возможно, в этом вопросе я слишком консервативна. Но я хочу привести в мой дом и познакомить с отцом того, в ком уверена, что свяжу с ним свое будущее.

А я не могу сказать чего-то подобного про Стефана.

Извинившись, я ухожу на балкон и отвечаю на вызов.

— Привет, bullion³, — в динамике раздается голос папы.

В голове тут же вспыхивает его образ. Как он сидит в своем кабинете с густыми седыми волосами и в дорогом, подогнанном под фигуру, костюме, и листает документы.

— Привет, пап, — обернувшись, я бросаю взгляд на балый зал. — Мне сейчас не очень удобно разговаривать. Я на презентации. Что-то случилось?

— Помнишь, я говорил, что, возможно, когда-то тебе придется все бросить и скрыться ото всех? — серьезно спрашивает папа.

Сердце начинает бешено стучать в ожидании неминуемого. Сама того не осознавая, я задерживаю дыхание.

— Помню, — тихо отвечаю я.

— Этот день настал.

Моя рука вздрагивает, и я крепко обхватываю перила. Не могу допустить, чтобы кто-то заметил моего волнения. Но оно разрастается в груди до таких масштабов, что наверняка его можно увидеть из космоса.

— Я поняла.

Завершаю вызов и только сейчас могу сделать глубокий вдох. Но он далеко не свободный.

«Этот день настал».

Подрагивающей рукой я убираю телефон в сумочку и воз-

³ Английский термин, обозначающий драгоценные металлы, обычно в виде слитков. Здесь и далее это обозначение «слитка золота».

вращаюсь в бальный зал. Все вокруг кажется как в сепии. Будто мир внезапно утратил все краски. Я обреченно прохожу сквозь толпу и направляюсь к выходу.

— И куда ты собралась?

На моем пути возникает Амбер. Я делаю над собой немало усилий, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Ухожу.

— Это какая-то шутка? — потрясенно спрашивает она. — Через пятнадцать минут Александр Маккуин сделает заявление. Ты станешь одной из его главных моделей. Такой шанс выпадает раз в жизни!

— Я бы все отдала, чтобы остаться, — бесцветным голосом произношу я. — Но не могу.

— Нет, нет, нет... — судорожно бормочет Амбер, будто до конца не верит в услышанное. — Так не бывает...

Только сейчас я смотрю ей в глаза, подчеркнутые дымчатыми тенями. Поднимаю руку и осторожно поправляю ее каштановые волосы. В свете изящных люстр они отдают золотом. От ее лица исходит сияние, словно Амбер посыпана волшебной пылью.

Моя подруга настоящая красавица, и совсем скоро все убедятся в этом.

— Сияй за нас двоих, — мои губы растягиваются в грустной улыбке. — Прости, что не смогу с тобой разделить этот момент.

Глава 2. Изгнанный

ДАМИАН

Я делаю вдох, но не могу втянуть и крупицу воздуха. Легкие сжимаются и требуют кислорода. Перед глазами все расплывается. Шум толпы, окружавшей меня, постепенно стихает.

— Твоя мамочка знает, что ты ничтожество? — выдыхает мне в ухо высокий и накачанный мудака.

Одной рукой он сжимает мое горло, а другой наносит удар по ребрам. Жгучая боль пронзает тело. Мои губы кривятся

в усмешке, несмотря на то, что он продолжает бить меня кулаком снова и снова.

Боль.

Это именно то, в чем я нуждаюсь.

Это именно то, что пробуждает мой инстинкт.

Но я вынужден его подавлять.

По крайней мере, пока не оказываюсь в клетке.

Еще один удар, и мрачная темная энергия проносится сквозь меня, словно нефть, растекающаяся в воде.

Вот и все. Пора выпускать на волю своих демонов.

Зарывав, я заносу руку назад. Хватаю ублюдка за шею и перебрасываю его через себя. С глухим ударом он падает на бетонный пол.

Я делаю долгожданный вдох, чувствуя, как теплая струйка крови стекает по щеке.

— Ты покойник! — ревет ублюдок.

Он пытается подняться, но я не даю ему этого сделать. Резко бью его коленом в лицо, приятно ощущая, как ломается его нос. Ублюдок вновь падает, и я взбираюсь на него. Он замахивается, собираясь ударить меня. Я ловлю его руку и ломаю запястье. В следующее мгновение раздается треск костей, после которого следует громкий вопль.

Внутри меня раскаляется гнев, и я позволяю ему выбраться наружу. Я наносю удар за ударом по его лицу. Его кровь забрызгивает мою шею и грудь.

Зрители возбужденно кричат, повсюду раздаются осужда-

ющие свисты. Мой противник – местный любимчик публики. И прямо сейчас он пал в их глазах.

На самом деле все до единого они втайне мечтали, чтобы это когда-то случилось. Они ждали, когда их вознесенный король боев упадет и не встанет. Только ни у одного из них не хватило духу бросить ему вызов.

Мой кулак в очередной раз впечатывается в плоть. Я перевожу дыхание, нависая над противником. Смотрю на его воспаленную изувеченную рожу, залитую кровью, и плюю в него.

Мне нужно остановиться, иначе я прикончу его.

Бью его в последний раз и выпрямляюсь в полный рост. По моему лицу стекает пот, перемешанный с кровью. Я откидываю со лба темные волосы и делаю глубокий вдох.

Внутренний демон истекает слюной, требуя закончить дело и лишить жизни ублюдка.

Но я разворачиваюсь и ухожу.

— Я найду тебя, — раздается сдавленный голос у меня за спиной. — И трахну твою мамашу у тебя на глазах.

Толпа, окружавшая клетку, начинает смеяться и свистеть. Я останавливаюсь и обвожу ее взглядом. На лицах каждого сверкает злорадная улыбка в предвкушении продолжения боя. Они хотят получить очередную дозу жестокости.

Я разворачиваюсь и иду прямо к лежащему уроду. Он не может встать и вызывающе смотрит на меня, не понимая, что сегодня побывал в шаге от смерти.

Безмозглый ублюдок.

Он не заслуживает умереть от моей руки. Синяки и кости, которые я ему сломал, когда-нибудь заживут. Но он больше никогда не сможет вернуть прежнее положение.

Я возвышаюсь над ним и спускаю шорты на бедра. Крики и свисты толпы замолкают, когда я достаю член наружу и мочусь на его окровавленное заплывшее лицо. Он морщится и отворачивается, издавая звуки, похожие на пiski гребаных крыс.

В повисшей тишине внезапно раздаются аплодисменты. Я поднимаю взгляд и среди полуголых девиц и парней в потертых кожаных куртках вижу Джозефа.

Сенатор медленно хлопает, окидывая насмешливым взглядом затихшую толпу. На нем темно-синий костюм, разивший богатством и властью. За его спиной стоят двое верзил.

Я надеваю шорты, разворачиваюсь и перелезаю через решетку. Спрыгиваю, и толпа передо мной расходится, освобождая путь. Парень, заправляющий боями, протягивает мне конверт.

— Я добавил к твоему выигрышу двадцать процентов, — он указывает на мудака, все еще валявшегося в клетке. — У него поганый язык, и он это заслужил. Надеюсь, еще раз увижу тебя, — он довольно улыбается, предвкушая, сколько может заработать на будущих ставках.

— У меня есть твой номер.

Я беру конверт и иду в раздевалку по узкому коридору, напоминающему подzemелье. Прохладный воздух окутывает мое вспотевшее тело.

Раньше я участвовал в боях без правил на складе в Блэк-Хорс-лейне⁴. Но копы пронюхали про него и совершили облаву. Всех организаторов повязали, и теперь я дерусь в Бирмингеме.

Для обычных жителей это место – заброшенный старый завод. Для меня это место, где я могу выплеснуть свою злость. Место, где я могу снять напряжение.

Но этого всегда недостаточно.

Захожу в раздевалку и открываю свой шкафчик. Это место кишит ворами и карманниками, но никто не трогает мои вещи, не желая со мной связываться. Достаю из спортивной сумки полотенце и вытираю лицо. На светлой ткани остаются темные следы крови.

В этот момент раскрывается дверь, и в раздевалку заходит Джозеф. За ним немой тенью следует охрана. Скрип его дизайнерской обуви действует мне на нервы, как царапанье ногтей по доске.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, вынимая чистую футболку.

Вместо ответа Джозеф прислоняется к соседнему шкафчику, достает из внутреннего кармана пачку Nat Sherman и закуривает сигарету.

⁴ Промышленные зоны этого района находятся в восточной части Лондона.

— Я хотел задать тебе тот же вопрос, — он выпускает тонкую струю дыма. — Какого черта ты делаешь? Только посмотри на себя...

На дверце шкафчика висит потускневшее зеркало, но я не смотрю на свое отражение. Я и так знаю, кого в нем увижу.

Бессмысленного.

Неуправляемого.

Испорченного.

— Чего тебе не хватает? — с раздражением продолжает Джозеф. — Ты с отличием закончил Оксфорд. Перед тобой открыты все двери мира. И мне, черт возьми, непонятно, почему из всех ты выбрал самую хреновую.

— Я сам разберусь со своей жизнью, — отрезаю я. — И тебе не надо в нее лезть.

На морщинистом лбу Джозефа вздувается вена от гнева. Сенатор не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне. Но мне плевать на него. Нельзя уважать того, кто всю жизнь добивается всего услужением.

— Ты спросил, что я здесь делаю? — говорит Джозеф и сам отвечает на свой вопрос. — Сегодня ночью твоего отца арестовали. Всплыли старые дела, о которых все давно должны были забыть. Ты должен вернуться.

— Я не вернусь туда, откуда меня однажды изгнали.

Снимаю с крючка серебряную цепочку с кулоном в виде половинки сердца. Надеваю ее на шею, переодеваюсь в джинсы и набрасываю на плечи куртку.

— Твой отец дал тебе все.

Я сжимаю челюсть. Ярость, которую я только что выпустил в клетке, начинает вновь меня наполнять.

«Твой отец дал тебе все».

Джозеф думает, что его слова заставят меня испытывать чувство вины. Или привязанности. Но во мне все это давно угасло.

Я громко захлопываю шкафчик.

— Он отнял у меня дом.

— Дамиан, это твой долг, — настаивает Джозеф.

Я направляюсь к выходу, переступаю порог и останавливаюсь.

— Я никому ничего не должен. Не приходи сюда больше.

Спустившись по лестнице, я открываю звуконепроницаемую дверь и оказываюсь в помещении с клетками. В каждой из них лают собаки: американские питбули, ротвейлеры и доберманы.

В отличие от других мест, где я дрался, здесь устраивают зрелища не только с людьми. И сейчас бойцовские псы ждут своего часа.

Я иду по проходу и по пути останавливаюсь около одной клетки. Поворачиваю ключ и открываю дверь со стальными прутьями. В ноздри ударяет запах собачьей мочи, когда я захожу внутрь.

При виде меня ротвейлер срывается с места и начинает лаять. Его морда испещрена шрамами и рубцами. Он рычит

и клацает в воздухе клыками. Этот звук заставит вздрогнуть любого взрослого мужика.

Но я больше не испытываю страха. Нельзя одолеть того, кому нечего терять.

Оставаясь неподвижным, я смотрю в черные глаза пса. Он перестает рычать, опускает голову и, заскулив, уходит в другой конец клетки. Я достаю нож из кармана и приближаюсь к ротвейлеру.

— Мы оба знаем, что тебе сегодня не выжить. И я дам тебе шанс, — я приседаю рядом с ним.

Я перерезаю веревку, хватаю пса за ошейник и вывожу наружу.

— Теперь твоя жизнь принадлежит только тебе.

Отпускаю его и прослеживаю взглядом, как он убегает в темную ночь.

Мой отец никогда не давал никому вторых шансов.

Но я – не он.

Спустя несколько минут я сажусь за руль черного Jaguar. Поворачиваю ключ, и салон наполняется тяжелой музыкой. Я зажигаю фары, и их свет разрезает темное пространство парковки.

Включив передачу, я трогаюсь с места и сворачиваю на дорогу, ведущую в Лондон. Набираю скорость и смотрю в зеркало заднего вида. На моем лице остались кровавые разводы, на скуле небольшая царапина, разбитая нижняя губа.

«Ты должен вернуться».

В голове проносятся слова Джозефа. И вместо своих глаз в отражении я вижу синие глаза отца.

Свет фар освещает черный асфальт, пока папа сидит за рулем и мчится по дороге в аэропорт. Я сижу на заднем сиденье и в зеркале заднего вида встречаюсь с его взглядом.

— Мне обязательно так далеко уезжать? — спрашиваю я, нервно теребя брелок рюкзака, лежащего на коленях.

— Дамиан, — после недолгого молчания говорит папа. — Ты будешь учиться в лучшей частной школе Англии. Затем тебя ждет Оксфорд...

— Я не хочу этого! — выпаливаю я. — Я хочу остаться. Хочу быть рядом с тобой. Рядом с Ребеккой и Роуэном...

— У тебя будет все, чего не было у меня, — папа пресекает меня. — Я не хочу, чтобы ты совершил те же ошибки, которые когда-то допустил я.

Я крепче сжимаю руль, когда несусь по пустой скоростной трассе.

Меня лишили всего, что принадлежало мне по рождению. А теперь кидают кость, как ебаной голодной собаке.

Отвожу взгляд от отражения и сосредотачиваюсь на дороге. По бокам мелькают здания и дома, сливаясь с ландшафтом. Проходит два часа, прежде чем я оказываюсь на запущенных улицах Ист-Энда⁵.

Внезапно в боковом зеркале мелькает вспышка. Внима-

⁵ Восточная часть Лондона.

тельно всматриваясь в темную дорогу, я вижу, как за мной едет черный тонированный Range Rover. Делаю несколько поворотов и убеждаюсь, что он у меня на хвосте.

Промчавшись мимо ветхой многоэтажки, я прижимаюсь к обочине. Внедорожник проезжает мимо меня. Я жду, пока он исчезнет из вида, и двигаюсь дальше. Сворачиваю влево, подкатив к одному из приземистых кирпичных домов.

Я выбираюсь из машины и направляюсь напрямик к зданию. Спустя два лестничных пролета трижды стучусь в дверь. Мне открывает девушка. Не дожидаясь ее приглашения, я переступаю порог.

— Что с тобой? — она поднимает руку, собираясь дотронуться до моего лица.

Я останавливаю ее, поймав за запястье.

— Ты забыла про договор? — спрашиваю я.

У меня есть три правила.

Никаких имен.

Никаких вопросов.

И никаких близких контактов, кроме секса.

Приблизившись, я упираюсь рукой ей в живот, заставляя отступить в спальню. Комната небольшая, но с просторной кроватью. На мгновение девушка теряется, а затем быстро схватывает то, что мне нужно.

— Как сегодня ты хочешь? — спрашивает она, развязывая на ходу тонкий пояс коротенького халата.

— Ты знаешь, — коротко отвечаю я. — Все как обычно.

— Никаких прелюдий, ласк и нежностей, — она кивает, избавляясь от халата.

На ней остается крохотная кружевная сорочка. Ее темные прямые волосы рассыпаны по плечам и спадают на грудь, которая сейчас кажется мне идеально округлой. Мой член напряжен и нуждается в разрядке.

Я скидываю куртку на пол и обхватываю девушку за подбородок.

— Оседлай меня, — приказываю я.

Вытащив из кармана презерватив, я снимаю джинсы и опускаюсь на кровать, натянув резинку на член. Девушка забирается сверху, широко расставляя бедра по обе стороны от меня.

Я отодвигаю ее трусики, поднимаю бедра и резко вхожу в нее. От грубого внезапного толчка она вскрикивает.

«Дамиан, это твой долг».

Голос Джозефа будто материализуется в воздухе.

Я сосредотачиваюсь на женском теле. Мне нужно отвлечься от мыслей о своем прошлом дерьме. Обхватив бедра девушки, я вдавливаюсь в нее снова и снова. Ускоряю темп и трахаю ее, пытаюсь уйти от реальности.

— Да, — стонет она и наклоняется, припадая к моей шее.

Она посасывает кожу, прокладывает губами дорожку по линии челюсти и добирается до моего рта. Ее губы касаются моих, но я обхватываю ее за горло.

— Я же говорил, — отстраняю ее от себя. — Никаких по-

целуев.

Она не успевает отреагировать, как я переворачиваю ее задницей кверху. Пристраиваюсь сзади, задираю сорочку и спускаю трусики по ее бедрам. Она глубоко дышит и трется о мой пах. Я давлю на ее лопатки, заставляя прогнуться в спине.

В следующее мгновение вхожу в нее до самого основания и слышу громкий женский стон, который заглушает простынь. Запрокинув голову, я активно двигаю бедрами. Крепче сжимаю ее ягодицы, погружаясь в нее жесткими быстрыми толчками. Чувствую, как напрягается пресс перед желанной разрядкой.

Член набухает и дергается. Я кончаю, отстраняюсь и срываю презерватив. Кидаю его в мусорную корзину рядом с кроватью. Натягиваю джинсы и подхожу к столику, где стоит бутылка Red Label.

Взяв бокал, я наполняю его до краев. Мне не нужно прихиваться и крутить виски в бокале, чтобы раскрыть его букет. Это обычное дешевое, но чертовски крепкое пойло.

Я выхожу на балкон и выпиваю все содержимое одним залпом. Сжимаю перила и всматриваюсь в темноту ночи. Короткий миг удовольствия от разрядки мгновенно испаряется.

Все кажется тусклым и серым.

Драки.

Секс.

Чертов Лондон.

Перевожу взгляд и замечаю припаркованный рядом с домом черный тонированный Range Rover. Это он следил за мной, как только я въехал в город.

За спиной доносится шорох. На балкон выходит девушка и встает рядом со мной.

— Когда ты придешь в следующий раз? — спрашивает она.

Не спуская глаз с внедорожника, я сжимаю пустой бокал. Замахиваюсь и бросаю его со всей силы. В ночной тишине раздается звон разбитого стекла. Осколки сверкают, разлетаясь по черному капоту Range Rover.

Его водительская дверь раскрывается. Наружу выбирается высокий лысый мужик и запрокидывает голову. Мы встречаемся взглядами и смотрим друг на друга. Он отворачивается первым и без единого слова смахивает осколки с капота. В таком же молчании садится обратно в машину.

— Это последний раз, — коротко отвечаю я. — Я оставлю конверт на том же месте, где обычно.

— Ты должен знать, — говорит девушка. — Все это время я спала с тобой не из-за денег. Мне самой это нравилось. Ты можешь забрать свой конверт. И все остальные тоже. Я не потратила ни одного фунта из тех денег, что ты оставлял, — ее голос подрагивает. — Только не уходи насовсем.

— Мы больше не увидимся. Я уезжаю.

Вернувшись в спальню, я поднимаю с пола куртку и до-

стаю оттуда конверт. Бросаю его на прикроватный столик и накидываю куртку на плечи. Выхожу из комнаты и в коридоре вижу мальчика в пижаме с динозаврами.

На вид ему не больше четырех лет. Маленькими ладошками он держит гоночную машину и пульт управления.

— Дядя, у которого нет имени, — громким шепотом проносит он. — Почему моя машинка не едет?

Я подхожу к нему, приседаю на корточки и беру игрушку.

— Тебе нужно ее включить, — перемещаю небольшой рычаг на нижней стороне машины, и ее фары начинают светиться.

Я возвращаю игрушку обратно. Мальчик опускает машину на пол и нажимает на пульт управления. Тачка с жужжанием едет вперед, и на лице ребенка появляется улыбка.

— Спасибо, — раздается за спиной женский голос.

Повернувшись, я вижу девушку. На ней уже наброшен халат, волосы в беспорядке раскиданы по плечам. Выпрямившись в полный рост, я подхожу к ней и достаю из кармана бумажник вместе с ключами от Jaguar.

— Это ключ-карта от ячейки в банке Barclays на Хай-род. Запоминай код, — я диктую цифры и отдаю карту. — Там лежат деньги. Завтра ты пойдешь и заберешь их. Этого хватит, чтобы ты и твой сын долго ни в чем не нуждались.

Я вкладываю в ее ладонь ключи от машины.

— А потом вы уедете из этой чертовой дыры и больше в нее не вернетесь. Но самое главное...

Я замолкаю и указываю на мальчика. Впервые в моем голосе исчезает невозмутимость.

— Никогда не бросай своего сына, — я выделяю каждое слово.

После разнообразия запахов многоэтажки даже испорченный воздух Ист-Энда кажется свежим. Я подхожу к Jaguar и наклоняюсь, чтобы заглянуть под днище автомобиля. Рядом с задним правым колесом мигает слабый красный огонек.

Трекер для отслеживания.

Я протягиваю руку, срываю устройство и направляюсь напрямиком к Range Rover. Приблизившись к капоту, я впечатываю датчик слежения в лобовое стекло. От удара его пластиковый корпус трескается и разлетается на части.

Открываю заднюю дверь, забираюсь во внедорожник и удобно устраиваюсь на сиденье. В салоне тихо и темно. Только мерцание подсветки приборной панели освещает мое лицо.

— Поехали, — без всяких предисловий говорю я.

За рулем сидит лысый мужик. Рядом с ним на пассажирском – огромный толстый детина. Внедорожник трогается с места, и какое-то время мы едем в молчании.

— Нас предупредили, что с тобой будет непросто, — нарушает тишину лысый. — И к чему был этот цирк?

Я не придаю его вопросу никакого значения.

— Хитроуб⁶ в другой стороне, — я замечаю, как он сворачивает на Петтикоут Лей.

— Мы едем в частный аэродром.

— Ты должен нам доверять, — добавляет толстяк и поворачивается ко мне. — Мы друзья твоего отца.

Мои губы кривятся от отвращения.

— Как только ты открываешь свою пасть, я за милю улавливаю мерзкий запах продажных копов. Остаток пути проедем в молчании.

Откидываю голову на подголовник сиденья и перевожу взгляд на окно. Мы мчимся по шоссе, освещенному дорожными фонарями. Я сжимаю в кулаке медальон и закрываю глаза.

Я возвращаюсь домой.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как в последний раз я был в Нью-Йорке. Все это время я жил в Англии под чужим именем. По легенде, мой отец был шотландским бизнесменом, сколотившим состояние на торговле элитным алкоголем.

Сначала я учился в частной закрытой школе Катэрхем. Еще несколько лет изучал право в Оксфорде. Я почти ничем не отличался от других богатеньких детей, родившихся с золотой ложкой во рту.

Но никто не подозревал, кто я на самом деле.

⁶ Крупнейший международный аэропорт Лондона.

Дамиан Фэллон.

Наследник миллиардной империи моего отца.

Его мрачной репутации.

Его фамилии.

Но однажды я лишился всего этого.

Про таких, как мой отец, в Англии говорят: «Сделан из стали». Он перебрался из Ирландии в Америку и сколотил банду отъявленных гангстеров. В жестокости ему не было равных, и со временем отец стал легендой криминального мира.

Политики, конгрессмены, сенаторы, высокопоставленные чиновники – каждый из них хотел заручиться поддержкой моего отца. Не то чтобы они стремились вести бизнес или дружить с самим Грэгом Фэллоном. Скорее, они боялись стать его врагами.

Сенатор Джозеф Маршалл – исключение из правил. Отец поднял его со дна и дал ему все, чтобы иметь в политике собственную влиятельную фигуру.

Пятнадцать лет Джозеф был связующим звеном между мной и отцом. Он мог решить мою любую проблему. Видимо, по этой причине никто и никогда из властей Англии всерьез мной не интересовался.

Я опускаю окно, и прохладный воздух врывается в салон внедорожника. Вдалеке на фоне темного горизонта виднеется просторный ангар. Рядом с ним простирается посадочно-взлетная полоса, подсвеченная огнями. На ней ожидает

частный джет.

Range Rover сворачивает с шоссе и вскоре останавливается рядом с трапом. Я поднимаю взгляд и вижу Джозефа, стоящего у входа в самолет. Он подносит ко рту сигарету, делает затяжку, и ее кончик загорается красным.

Я раскрываю дверь и поднимаюсь под монотонный гул турбин. Джозеф окидывает пренебрежительным взглядом аэродром.

— Терпеть не могу эту страну, — выплевывает он. — Дерьмовый климат. Мерзкий чай. И овсянка, от которой выворачивает наружу.

Я останавливаюсь рядом с ним.

— Ты опоздал с заявлением, — протягиваю я. — Ты должен был сказать об этом моему отцу пятнадцать лет назад.

— Дамиан, так было нужно. Про тебя никто не забывал все это время. Твой отец любит тебя.

— Мой отец никого не любит. Даже самого себя, — парирую я. — Если ад действительно существует, мы оба знаем, что его ждет.

— Я помню его другим, — возражает Джозеф. — Смерть твоей матери его сильно изменила. И не в лучшую сторону. Но он дал тебе жизнь. Ты его единственный наследник. Хочешь ты этого или нет, но однажды ты займешь его место.

Джозеф замолкает и опускает взгляд на часы.

— Пора домой. Пришло время вернуть то, что тебе принадлежит.

Глава 3. Фэллоны и смерть – это синонимы

СОФИЯ

Я расслабленно сижу на террасе, пока морской воздух мягко скользит по моим ногам. На мне белые капри из египетского хлопка и топик, открывающий ключицы и плечи. Рядом со мной покачивается на ветру второе плетеное кресло.

Не имею понятия, зачем мне два кресла, если все свое время я провожу в одиночестве и следую указаниям папы.

Не привлекать лишнего внимания.

Разорвать контакты со всеми.

Не пользоваться кредитными картами.

Ничего не заказывать на свое имя.

Мой взгляд лениво скользит по пляжу, где местные рыбаки занимаются своими делами. Вдалеке виднеется порт с яхтами, парусниками и катерами. За ними простирается синяя полоса, где море встречается с небом.

Там, за десятками тысяч миль, осталась моя прошлая жизнь и все, что было мне дорого.

Нью-Йорк. Кастинги. Фотосъемки и показы.

В венах закипает кровь при мысли, что мне пришлось со всем попрощаться. Я ужасно скучаю и горю желанием вернуться.

Но не могу.

«Впереди грядут большие перемены. Сейчас все, кто имеет отношение к клану Фэллонов, находятся в опасности. Найди тихое место и не говори о нем никому. Даже мне. Возможно, тебе придется прожить так несколько лет, пока все не уляжется, — сказал папа в нашу последнюю встречу. — Ты самое дорогое, что у меня есть. Я люблю тебя».

Мой отец – Альфи Эйнсворт, президент банка, который принадлежит клану Фэллонов. Много лет назад, еще до моего рождения, папа был обычным бухгалтером. Но в один день его жизнь изменилась. Папа начал работать на Грэга Фэллона, и тот дал ему все: богатство, влияние, власть. В

детстве у меня было все, о чем другие не могли и мечтать. Я ни в чем не нуждалась.

Но каждый в моей семье знал, *кому* мы были этим обязаны. Это был своего рода договор, который можно расторгнуть в одностороннем порядке только ценой собственной жизни.

Именно поэтому я не стала спорить с отцом, собрала чемоданы и покинула Нью-Йорк. Я знала, что за все когда-то нужно платить. И сейчас настал тот самый момент.

Я встаю с кресла и возвращаюсь в гостиную. Мой особняк построен на одной из высоких точек побережья Ниццы. Из его больших окон открывается вид на много миль вокруг.

Я прохожу мимо стола, где лежит ноутбук. Мои пальцы буквально зудят от желания, а в груди разрастается любопытство.

Интересно, что сейчас происходит в Нью-Йорке? Что нового в мире моды? В конце концов, кому досталось мое место в показе?

Открываю ноутбук и первое, что вижу, – заставку на рабочем столе. Это моя совместная фотография с Амбер. Мы улыбаемся в камеру на какой-то модельной тусовке с коктейлями.

Черт, я совсем забыла. Совсем скоро у нее день рождения. Папа точно не одобрит, если узнает, что я поддерживаю связь с кем-то из своего окружения. Но разве может случиться что-то страшное, если я просто напишу моей подруге?

Следующие несколько минут я регистрируюсь в Yahoo под чужим именем и нахожу профиль Амбер. Она в сети, и я пишу ей короткое сообщение.

Неизвестный: Привет, это Софи.

Амбер: Очень смешно! Ха-ха! Я посмеялась, а теперь иди в задницу!

Неизвестный: Может быть, мне стоит всем рассказать, что ты называешь вибратор именем своего старшего брата? P.S. Это пахнет инцестом.

Амбер: Если это действительно ты, то давай еще три факта, о которых может знать только Софи.

Неизвестный: Ты вытаскиваешь из бургеров маринованный лук. Носишь фейковые «Rolex», но говоришь всем, что они настоящие. А в детстве пыталась постричь налысо свою несчастную кошку, чтобы выдать ее за сфинкса на выставке.

Амбер: Охренеть! Это и правда ты! Где ты, чертова сучка? Быстро говори, куда мне приехать. Клянусь, я придушу тебя своими руками.

Неизвестный: Эй, полегче! Я просто взяла тайм-аут и хочу побыть вдали ото всех.

Амбер: А как же Стефан? Он повсюду тебя ищет и уже собирается обратиться в полицию.

Только сейчас я впервые вспоминаю о моем парне и испытываю укол вины. Но для нас обоих будет лучше, если мы возьмем перерыв. Я не знаю, когда смогу вернуться в Нью-

Йорк. С моей стороны будет эгоистично требовать от Стефана ждать меня.

Может быть, когда-то мы сможем продолжить с того места, на котором остановились. А может быть, он найдет себе новую девушку.

Странно, но от последней мысли я не чувствую ни ревности, ни сожаления.

Неизвестный: *Никто не должен знать, что я тебе написала. Даже Стефан.*

Амбер: *Что с тобой происходит? Ты скрываешься ото всех. Ничего никому не рассказываешь. Даже мне и своему парню.*

Я буквально слышу возмущенный голос Амбер. И что-то неприятное поселяется в груди. Мне не нравится, что приходится многое скрывать от подруги. Но так будет безопаснее для нее и для меня.

Неизвестный: *У тебя скоро день рождения.*

Амбер: *Вау! Ты помнишь, когда у меня день рождения.*

Неизвестный: *Не обижайся. Просто скажи, что ты хочешь, и я отправлю тебе подарок.*

Амбер: *Я хочу только одного. Мы должны быть вместе и зажечь по-полной. Мы не можем нарушить нашу традицию.*

Я улыбаюсь и провожу пальцем по запястью вдоль маленького бокала с коктейлем. У Амбер такая же татуировка. Если приложить наши руки вместе, то получится, что бокалы

ударяются друг об друга.

Эти татуировки мы сделали в прошлом году после того, как навели шумиху в Лас-Вегасе.

Неизвестный: *Мне жаль, но это невозможно.*

Амбер: *Я твоя подруга и должна знать правду. Что случилось? Почему ты скрываешься? Тебе кто-то угрожает?*

Я закрываю глаза и сглатываю нервный комок в горле. Хорошо, что в этот момент Амбер не видит меня.

Иначе она бы сразу догадалась, что в моей жизни не все так безмятежно, как может казаться.

А все началось с того, что...

Мне семнадцать, и я улыбаюсь в камеру, когда напротив меня щелкает затвором фотограф. Его зовут Хэнк, и я люблю с ним работать. Он всегда умело экспериментирует с освещением и фокусировкой.

— Наклонись немного влево... Постарайся выглядеть как девчонка по соседству, от которой все парни теряют голову. Та самая недоступная и отрешенная крошка, но в то же время позволяющая подглядеть за собой в окне, — Хэнк щелкает фотоаппаратом. — Идеально, малышка! Ты знаешь, какое будущее тебя ждет...

— На сегодня достаточно.

В студии раздается резкий и жесткий голос, словно отточенное лезвие ножа.

Я перевожу взгляд с объектива камеры и вижу своего агента. На нем кардиган из кашемировой шерсти и джинсы.

Его зовут Томас, но за спиной все называют его Спайдером. В его сети угодило много моделей.

— Мы только начали, — возмущается Хэнк, но Спайдер небрежно отмахивается от него.

— София устала. Ей нужно отдохнуть.

— Все в порядке, — говорю я. — Мы можем продолжить. Спайдер не обращает на меня внимания и тянется к карману джинсов, откуда достает бумажник.

— Давай, собирайся, — он отдает фотографу несколько купюр. — Мне нужно кое-что обсудить с Софией.

— Это не может подождать? — уточняет Хэнк. — Я еще не отснял...

— На сегодня твоя работа закончена, — категорично заявляет мой агент. — Бери деньги и проваливай.

Он проходит вокруг хромакея⁷, выключая по очереди стробоскопы и лампы постоянного света, пока фотограф с разочарованным видом начинает складывать оборудование.

— У меня для тебя отличные новости, — впервые за все время Спайдер смотрит на меня. — Я договорился кое с кем. С этого дня ты больше не будешь рекламировать это барахло для подростков, — он с пренебрежением указывает на вешалки с молодежной одеждой.

После этого Спайдер окидывает меня тем самым взглядом, считавшимся у него поощрительным.

⁷ Это зеленый или синий фон, на который потом накладывают любой другой фон в постобработке.

— Добро пожаловать на новый уровень, — сообщает он. Я поднимаюсь с шезлонга, на котором позировала минуту назад, и непонимающе смотрю на агента.

— Что это значит? — спрашиваю я.

В этот момент Хэнк перекидывает через плечо сумку и кивает мне на прощание.

— Забудь про него. Он неудачник. С ним ты ничего не добьешься, — говорит Спайдер, когда за фотографом закрывается дверь. — Скоро у тебя будут лучшие фотографии. Лучшие студии. И лучший журнал.

Он поднимает над головой папку с документами.

— Знаешь, с кем я сегодня подписал договор? — спрашивает он с ликующим блеском в глазах. — Детка, лучше присядь. Это «Пентхауз»⁸!

— Но там же снимаются полностью обнаженными... — я запинаясь, словно ребенок.

— Не волнуйся, — Спайдер не придает значения моему испуганному взгляду. — Первые несколько фотосессий на тебе будут трусики, чтобы ты успела привыкнуть.

— Ты с ума сошел? — я повышаю голос. — Когда мой отец увидит эти снимки, он убьет меня!

— Это ты сошла с ума! — Спайдер кричит во все горло. — Сниматься для этого журнала — мечта любой модели. Некоторые идут к этому годами, а получается только у

⁸ Эротический развлекательный журнал для мужчин, один из самых известных в мире брендов.

единиц. Тебе же ничего не пришлось делать, я принес тебе все на блюдечке.

— Я не просила об этом, — я разворачиваюсь и иду в сторону гримерки.

— Ты идиотка! — Спайдер встает передо мной и тычет пальцем мне в грудь. — От таких предложений не отказываются. И дважды они не предлагают.

— Мне даже нет восемнадцати... — я резко замолкаю, когда Спайдер обхватывает мою руку и дергает меня на себя.

— Через две недели тебе исполнится восемнадцать. Ты будешь сниматься в этом журнале. Они уже перевели предоплату.

— Я поговорю с отцом, и он все тебе компенсирует.

— А как же моя репутация? Ты ставишь на мне крест! — Спайдер сжимает мою руку, и я морщусь от боли. — После такого со мной никто не захочет работать. Твой отец согласится содержать меня всю оставшуюся жизнь? Мое агентство и все, что я создал, сейчас под угрозой. У меня контракты, и всем этим сучкам надо платить...

— С меня хватит! — я перебиваю его. — Я не собираюсь дальше это выслушивать. Я не одна из твоих сучек!

— Ты не просто моя сучка, — Спайдер злобно прищуривается. — Ты моя собственность! Или ты забыла, что подписала со мной контракт? Либо ты снимаешься там, где я скажу. Либо ты нигде не снимаешься. А если с тобой за-

хочет работать кто-то еще, я затаскаю их по судам так, что от тебя все будут шарахаться, как от чумной.

— Просто назови сумму, — бросаю я ему в лицо, закипая от гнева. — Сколько ты хочешь?

— Дай-ка подумать, — Спайдер яростно на меня смотрит. — Десять лет моей жизни и репутации. И двадцать процентов доли в банке твоего отца.

— Он никогда не согласится на это.

— Других условий не будет. Если твой папочка хочет, чтобы мечта его дочурки сбылась, пускай платит. Я разорву с тобой контракт, и можешь дальше рекламировать дерьмо для подростков.

Наконец Спайдер отпускает меня, и я убегаю в гримерку. На глаза наворачиваются слезы. Перспектива сниматься обнаженной не пугает меня так, как попроситься с карьерой модели. Тем не менее я решаю любой ценой расторгнуть контракт.

Уверена, такой убудодок, как Спайдер, сделает все, чтобы это было невозможным. Но все же задача может быть решаемой. На этой неделе мой отец должен посетить благотворительный вечер, где будет Грэг Фэллон.

У меня есть шанс.

— Пап, ты обещал с ним поговорить, — горячо шепчу я, сжимая руку отца.

Мой взгляд неотрывно прикован к высокому и широкопле-

чему мужчине, проходящему мимо нас. Он в костюме, безукоризненно сидящем на нем. Все гости вечера затихают и робеют перед ним, словно он темный призрак.

— Какие-то проблемы? — он останавливается, и я чувствую, как рядом со мной напрягается папа.

— Не обращай внимания, Грэг, — папа натянуто улыбается. — Это мелкое дело. Мы сами во всем разберемся.

Мужчина переводит на меня взгляд, и непроизвольно я вздрагиваю. От его синих и холодных как лед глаз у меня пробегают мурашки по коже.

— Могу узнать, что случилось? — спрашивает он у меня.

На мгновение кажется, что меня просто убьют на месте за то, что я отнимаю время у самого Грэга Фэллона. Но чем дольше я смотрю в его глаза, тем больше понимаю, что могу ему доверять.

Я подробно рассказываю ему про агента, его требования и контракт.

— Я хочу уйти, но он меня не отпускает, — заканчиваю я. — Я подписала с ним контракт на пять лет.

Грэг выслушивает меня, а затем переключает внимание на моего отца.

— Ты был прав, — он похлопывает его по плечу. — Это такие пустяки. Уверен, ты справишься без меня.

Грэг уходит, и я провожаю взглядом его удаляющуюся фигуру. В этот момент моя последняя надежда окончательно разбивается.

Следующие две недели я пребываю в подвешенном состоянии и чувствую, что вот-вот сдамся. Сегодня мне исполнилось восемнадцать, но мой день рождения меня вовсе не радует.

Страшно представить, на что пойдет мой агент. Меня до сих пор бросает в дрожь после конфликта в фотостудии. Еще никогда я не испытывала столько унижения.

— Пап, я дома! — громко объявляю я, когда захожу из лифта в наш пентхаус.

Я оставляю пакеты и коробки в холле. Основная часть подарков осталась в машине, так как мне не под силу перенести все в одиночку.

— Пап? — я снова окликаю отца, но в апартаментах повисает тишина.

Странно. Обычно в это время папа уже дома.

Я достаю телефон из сумочки и решаю ему позвонить.

— Пап, ты где? — спрашиваю я. — Я уже дома.

— Bullion, я решил сам съездить за твоим подарком и угодил в пробку. Я скоро буду.

Завершаю вызов и прохожу в гостиную, где царит полумрак. Похоже, горничная уже ушла. Я зажигаю свет, и в глаза мгновенно бросается огромная коробка на обеденном столе, украшенная красным бантом.

Интересно, от кого она?

Я подхожу ближе и пытаюсь ее приподнять. Она доволь-

но увесистая, и я возвращаю коробку на место. Под бантом лежит сложенное пополам письмо, подписанное «Дорогому другу», а под ним еще конверт.

Сначала я раскрываю записку и читаю ее:

«Передай дочери, что ее агент получил самый выгодный контракт в своей жизни и уехал развивать свой бизнес в Европу. На радостях он потерял голову и решил отпустить малышку Софию.

P.S. Твои проблемы – мои проблемы.

Пусть София сияет на весь мир».

Мои брови сходятся на переносице.

Это подарок не для меня, а для папы? Но тогда почему в нем упоминается мое имя?

Ничего не понимая, я тянусь за конвертом и распечатываю его. Внутри находятся документы. Я бегло читаю первые строчки, и от увиденного мои глаза округляются.

Не могу поверить, что держу бумаги о расторжении контракта со своим агентом!

Я быстро перелистываю страницы и на последней обнаруживаю подпись Спайдера.

— Да! — радостно восклицаю я.

Тотчас прижимаю документы к груди, словно это священный Грааль. Это дороже любого подарка!

Внезапно мой взгляд задерживается на коробке. Я откладываю документы и поднимаю крышку. Под декоративной оберточной бумагой вижу очертания чего-то округлого.

В груди что-то царапается, похожее на дурное предчувствие. Но я отгоняю подальше чутье и отодвигаю бумагу в сторону.

В следующий миг я вскрикиваю и отшатываюсь от стола. Из моих рук выпадает крышка и летит на пол. К горлу резко подступает тошнотворный ком.

Внутри коробки лежит голова Спайдера.

Я вздрагиваю и открываю глаза.

Прошло три года, но я до сих пор отчетливо помню обескровленное, мертвецки-серое лицо моего агента, искаженное страхом и шоком. После этого я плохо спала и стала замечать, что у меня начало дергаться левое верхнее веко.

А еще я навсегда вбила себе в голову, что нужно держаться подальше от всего, что связано с кланом Фэллонов.

Фэллоны и смерть – для меня синонимы. Они тесно связаны между собой и идут рука об руку.

Неизвестный: Не волнуйся. Со мной все в порядке. Я сейчас в ретрите⁹. Покупай билет в Ниццу, и мы оторвемся. Но ты должна мне пообещать, что никому об этом не скажешь.

Я отправляю сообщение Амбер, прекрасно осознавая все риски. Но это первый и последний раз, когда я пренебрегу своей безопасностью. Я отпраздную день рождения со своей

⁹ Ретрит (англ. retreat – «уединение», «удаление от общества») – это время, проведенное в духовных практиках, удалении от социума, уединении и саморефлексии.

близкой подругой, и это станет моим прощанием.

Амбер: *Не переживай. Я унесу твой секрет с собой в могилу.*

Глава 4. Сделка

ДАМИАН

Из окна самолета открывается вид на город. Из-за разницы во времени сейчас здесь поздняя ночь. Но Нью-Йорк никогда не погружается в сон. Его огни мерцают в темноте, как сотни звезд: светящаяся сетка улиц и проспектов Манхэттена, небоскребы и потоки машин.

Я отрываю взгляд от подсвеченного шпиля Эмпайр-стейт-билдинг, когда Джозеф садится в соседнее кресло. Он удобно устраивается и закидывает одну ногу на другую, расслаб-

ля галстук.

Кроме нас, в салоне самолета больше никого нет. Охрана сенатора находится в задней части, не мешая уединению.

— Здесь все документы на имя Дамиана Фэллона, — Джозеф протягивает папку. — Больше никаких легенд.

Я беру папку и раскрываю ее. Внутри лежат паспорт, страховой полис, водительское удостоверение и остальные свидетельства.

— Он тоже настоящий? — я указываю на диплом выпускника.

Джозеф проводит рукой по светлым волосам с проседью и ухмыляется в духе «привилегия быть сенатором».

— Разумеется, — протягивает он. — Ты же закончил Оксфорд.

Я бросаю папку на столик.

— Три года назад твой отец выписал доверенность на твое имя, — продолжает Джозеф. — Ты имеешь право управлять всеми его активами и вести все его дела.

— Странно, что я узнаю об этом только сейчас, — задумчиво произношу я. — Но если ты заговорил о доверенности, похоже, все серьезно.

— В этот раз все слишком серьезно, — кивает он.

— В чем именно обвиняют отца?

— Официального обвинения еще не выдвинуто. Возможно, это отмывание денег. Все, что я знаю точно: в этом замешан Альфи Эйнсворт.

Мои брови сходятся, когда я слышу имя финансового советника моего отца.

— Отец ему доверял.

Лицо Джозефа искажается и становится сердитым.

— Он был в курсе всех дел с самого начала. Я давно говорил Грэгу, чтобы он избавился от этой старой крысы и заменил его на того, кто меньше знает. Альфи предал его, когда дал показания против него.

— Где он сейчас? — спрашиваю я.

— Сейчас он находится под программой защиты свидетелей. Никто не знает, где он. Даже я, — мрачно добавляет сенатор.

— Кто еще может быть в этом замешан?

— Крысы могут быть внутри клана. Сейчас никому нельзя доверять, — Джозеф скрещивает на груди руки. — У Альфи оригиналы всех документов за двадцать пять лет. Он знает все. Твой отец может никогда не выйти из тюрьмы.

— Значит, нужно заставить замолчать Альфи, — говорю я. — У всех людей есть слабое место.

Джозеф поднимается с кресла и подходит к сейфу. Вводит код и достает оттуда папку.

— Его жена погибла несколько лет назад. Дочь – его единственное слабое место. Познакомься, это София Эйнсворт.

С этими словами он раскрывает папку и бросает ее передо мной на стол. Я опускаю взгляд и вижу снимок.

Первое, что бросается в глаза – длинные светлые волосы.

Следующая деталь – кожа с карамельным оттенком загара.

Мой взгляд скользит дальше по фотографии. Девушка в черном коротком платье и в туфлях с острым как лезвие каблуком стоит на красной ковровой дорожке. Ее обнимает за талию какой-то придурок с тщательно собранными волосами в хвост.

Вокруг них много людей, но все внимание фотографа приковано к *ней*.

Она – воплощение желания и влечения. От нее исходит сияние, которое затмевает все остальное. Эта девушка светится, будто какое-то сказочное божество.

— Горячая штучка, — Джозеф ухмыляется. — София работает в модельном бизнесе. За нее соревнуются крупные журналы мод, а модельеры мечтают, чтобы она приняла участие в их показе. Но за последнее время о ней нет никаких новостей. Она буквально испарилась. Видимо, Альфи побеспокоился об этом заранее.

Мой взгляд возвращается к фотографии, будто меня тянет магнитом.

София Эйнсворт.

Девушка с телом богини, но наверняка пустая внутри.

Скорее всего, она из тех блондинок, кто волнуется за свои идеально уложенные волосы и сумочки из последних коллекций.

— Мы должны найти ее, — я небрежно закрываю папку.

— Опубликуем ее несколько снимков с отрезанным ухом, и Альфи сам прибежит к нам.

Открывается дверь самолета, и у основания трапа я вижу черный Rolls-Royce. За ним припарковано несколько тонированных автомобилей. Их фары освещают в ночи две фигуры.

Ребекка и Роуэн.

В последний раз я видел мою приемную сестру и брата пятнадцать лет назад, когда мы были детьми.

Я делаю шаг и собираюсь спуститься, но на мое плечо опускается рука.

— Есть кое-что, что ты должен знать. Вернуть тебя из Лондона – это была моя идея, а не твоего отца. Только тебе я могу доверять.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с осторожным взглядом Джозефа.

— Какого хрена я узнаю об этом только сейчас? — вспыхиваю я.

— Если бы я сказал об этом раньше, ты бы никогда не сел в этот самолет. Мы с тобой в одной лодке. И оба хотим одного и того же.

Джозеф сильнее сжимает мое плечо и понижает голос.

— Ты же понимаешь, что каждый из них не против занять место твоего отца, — он бросает взгляд на Ребекку и Роуэна. — Никому не верь и будь осторожен.

Отвернувшись, я начинаю спускаться. Одна из двух фигур отделяется и идет мне навстречу, поднимаясь по трапу. Его подсветка освещает лицо, и я вижу парня чуть старше моего возраста.

Роуэн.

— Я знал, что однажды этот день настанет, — он обхватывает мою руку и прижимает к себе. — Мне тебя не хватало, брат.

В замешательстве я обнимаю его. Я помню Роуэна, когда он был еще мелким мальчишкой.

Мы спускаемся по трапу, и ко мне бросается Ребекка. Она обнимает меня и прижимает голову к моей груди. На ней черный брючный костюм, ее темные волосы собраны в высокий хвост.

Я знаю, что отец передал ей все управление. Многие мужчины из криминального мира не считают женщин равными себе и не позволяют им вмешиваться в дела. Но мой отец придерживается другого мнения.

— Дами, — шепчет Ребекка.

Медленно отстранившись, она поднимает голову и всматривается в черты моего лица большими карими глазами. Это единственное, что не изменилось в сестре за все время.

— Ты возмужал, — она протягивает руку, дотрагиваясь до пореза на моей щеке. — Что случилось?

— Подрался перед отъездом, — расплывчато отвечаю и добавляю: — Теперь я дома.

Поместье моего отца располагается в районе Вестчестера, в его северной части. Большинство особняков и коттеджей элитного пригорода Нью-Йорка построены близко друг к другу.

Но отец выбрал место среди множества холмов и живописных лугов, чтобы быть вдали ото всех.

Мне мало что удастся разглядеть в темноте из окна машины. Лишь очертания огромного особняка на фоне ночного неба. Рядом с ним растет гигантский дуб, его ветви качаются на ветру.

— Твоя спальня все еще свободная, — говорит Ребекка, сидящая рядом со мной на заднем сиденье. — Мы ничего в ней не меняли.

Я пытаюсь разглядеть окно моей комнаты на втором этаже, но оно окутано тьмой. Одно из воспоминаний вспыхивает перед глазами.

Однажды в такую же темную ночь перед домом остановились две машины. Из первой вышла охрана, а из второй выбрался мой отец. За ним показались мальчик и девочка. Они были чуть старше моего возраста.

Тогда отец сказал мне только одно: «С этого дня они твои брат и сестра».

— О чем ты задумался? — голос Ребекки возвращает меня в реальность.

— Вспомнил, как впервые увидел тебя и Роузена.

Сестра накрывает мою руку своей ладонью и крепко сжимает ее.

— Я тоже помню этот день, — признается она.

Машина подъезжает к высоким воротам. Они раскрываются, и мы заезжаем внутрь. Сворачиваем по подъездной дороге мимо луга с растущим орегонским дубом. В детстве это дерево казалось мне настолько огромным, что я боялся: из-за него на нас упадет небо, когда его ветки проткнут облака.

Рядом посажены черные тюльпаны редкого сорта «Король ночи» и скамейка с высокой спинкой. На территории поместья находится поле для гольфа, теннисный корт и бассейн. Но когда я был маленьким, чаще всего видел отца именно здесь – на скамейке под тысячелетним дубом.

Водитель останавливается возле двухэтажного дома в ирландском стиле. Он сложен из серого дикого камня. Я выбираюсь из машины и слышу шум воды в фонтане.

На первый взгляд от каждой детали веет роскошью и благополучием. Я рос в богатстве и ни в чем не нуждался. Но мало, кто знал, что на самом деле происходило за стенами этого дома.

Ребекка и Роуэн поднимаются по крыльцу. Сестра вводит пароль рядом со входом, и они заходят внутрь. Я следую за ними и переступаю порог. Прохожу в холл, и мои ботинки стучат по полу, отражаясь эхом от высоких стен.

Чем дальше я углубляюсь, тем медленнее становятся мои шаги. Мне хочется, чтобы возвращение домой затронуло

мои чувства. Чтобы доказать себе, что я не бездушный ублюдок.

Но все, что я испытываю, — мне непривычно.

— Ты должен отдохнуть после перелета, — говорит Ребекка.

— Я хочу сразу перейти к делу, — напоминаю, зачем я здесь. — Я вернулся для этого. Что мог знать Альфи Эйнсворт?

— Он был в курсе многих дел, — отвечает Ребекка. — Но в основном это были финансы.

— Я могу увидеть документы отца? — спрашиваю я.

— Все документы в главном офисе банка. В кабинете Альфи, — в гостиную заходит Роуэн. — У отца в сейфе только самое важное.

— Я хочу увидеть все, что отец хранит в сейфе, — требую я.

— Сейчас принесу, — Ребекка разворачивается и поднимается по лестнице на второй этаж.

Роуэн подходит к барной стойке и берет одну из бутылок. Его темные волосы стильно уложены, на нем костюм-тройка в тонкую полоску от Saint Laurent. Пламя от камина отражается в его начищенных туфлях.

— Выпьешь что-нибудь? — Роуэн наливает бурбон в хайбол.

Я отказываюсь, но он подходит ко мне с двумя бокалами.

— Мы не виделись пятнадцать лет, — Роуэн протягивает

мне бурбон. — Неужели ты не выпьешь со мной за встречу, брат?

Я беру бокал, делаю несколько глотков и оставляю его на низком столике. Он стоит на том же месте, где я видел его в последний раз. Мой взгляд невольно пробегается по гостинной.

На каминной полке в рамке, украшенной бриллиантами, стоит фотография мамы. Она была очень красивой: длинные темные волосы, мягкие черты лица и заразительная улыбка. На снимке позади нее возвышается особняк с фонтаном и растущим вокруг трилистником¹⁰.

Эта фотография была сделана примерно за месяц до моего рождения. Но я ничего не помню про маму. Ее не стало, когда я был еще младенцем.

Мой взгляд поднимается к картинам в дорогих золотых рамах. Они по-прежнему занимают самое видное место в гостинной. Отец пустит пулю в лоб любому, кто попытается их снять.

Эти картины писала мама. Она была художницей. Талантливой художницей.

На одном из полотен изображено крушение корабля, на втором – безлюдный пляж, на третьем – рассвет в горах. Четвертая картина висит в центре, и я до сих пор не могу понять, что мама пыталась на ней изобразить. Просто буйство

¹⁰ Трилистник – это разновидность клевера, используемая в качестве символа Ирландии.

цветов, где много красного, желтого и фиолетового. Такое ощущение, что мама макала кисти в краску и хаотично размазывала их по холсту.

Как ни странно, именно на эту картину я чаще всего заглядывался в детстве.

— Тут мало что изменилось, — задумчиво протягиваю я. Роуэн качает головой.

— Ты многое не знаешь, брат, — возражает он. — Все изменилось сильнее, чем ты думаешь. Клан Фэллонов уже не тот, что раньше. Отец отошел от дел. У нас нет прежнего влияния.

Он недовольно прищуривается, крепче сжимая бокал.

— Всем управляет Ребекка, — произносит он, и его слова звучат натянуто и жестко. — Она слишком мягкая. Слишком уступчивая. Слишком *неподходящая*. Но отец считает иначе.

Роуэн поднимает руку и кладет ее мне на плечо. Он немного ниже меня, ростом шесть футов и два дюйма. Его губы растягиваются в улыбке, но во взгляде нет ни единой эмоции.

— Теперь ты дома, — продолжает он. — Наконец ты вернулся. Мы вместе вернем величие. Вместе добьемся того, чтобы люди дрожали лишь от одного упоминания фамилии Фэллон.

Роуэн сжимает мое плечо, прежде чем его отпустить.

— Я с тобой до конца, — он протягивает ладонь.

Я молча пожимаю ему руку, вспоминая, что в детстве Роуэн не говорил такие громкие слова. Он рос худощавым, тихим и незаметным.

— Я рад, что ты вернулся. Располагайся и помни, что ты дома. Здесь все твое, — он пренебрежительно осматривает мои простые джинсы и кожаную куртку. — А я пока распоряжусь насчет твоей новой одежды.

Роуэн уходит в тот момент, когда в гостиную спускается Ребекка. Она идет в мою сторону, в ее руках папка с документами. Но внезапно сестра резко замирает на месте, словно ее ноги приросли к мрамору.

Ребекка опускает красноречивый взгляд на красную линию, проведенную на полу. Она делит гостиную на две части. Первая часть более просторная, в которой располагается мебель. Во второй находится камин и картины.

Эта линия появилась в нашем доме после того, как один из работников поместья случайно задел мамину фотографию, когда менял цветы. Рамка со снимком упала, а этого человека я больше никогда не видел.

С того дня всем запрещалось заходить за эту линию и приближаться к картинам.

Всем, кроме отца и меня.

Я подхожу к сестре и беру документы. Все страницы пронумерованы и идут по порядку. Но в начале не хватает нескольких листов.

Будто кто-то намеренно пытается стереть год, в кото-

рый умерла мама.

— Кто имел доступ к этим документам? — спрашиваю я.

— Отец хранил их в сейфе, — отвечает Ребекка. — Доступ к нему имели только он и я.

«Никому не верь и будь осторожен».

В голове проносятся слова Джозефа, и я пристально смотрю на Ребекку.

— Забавно, — протягиваю я. — Отец изгнал меня, а тебе доверил все свои дела. Но до сих пор за красную линию разрешается заходить только мне.

Ребекка молчит и выглядит отстраненной.

— Я хочу увидеть отца.

— Джозеф договорился на завтра, — сообщает сестра.

Я возвращаю ей папку.

— Я устал после перелета. Отдохну у себя в спальне.

Поднимаюсь на второй этаж, рисуя в уме путь до моей комнаты. Нужно пройти налево, идти до конца коридора и упереться в массивную деревянную дверь.

В спальне царит мрак и тишина. Я зажигаю светильник и осматриваюсь. Ребекка оказалась права. Все осталось на прежних местах. Ничего не изменилось. Даже скрипит та же самая половица.

Я опускаюсь на кровать, которая теперь стала мне маленькой и тесной. Но удивительно мягкой. Обхватываю на шею кулон и закрываю глаза.

В этот момент я прокручиваю все события и пытаюсь най-

ти первую костяшку домино, которую подтолкнули. Которая сбила все остальные фигуры в ряду.

Кому и зачем понадобились документы, связанные со смертью мамы?

Следующим утром я еду по мосту, соединяющему материк с островом Рикерс. На нем расположена самая крупная тюрьма Нью-Йорка. Обычным посетителям ограничен въезд на остров, кроме сотрудников и адвокатов. Но Джозефу удалось договориться.

По бокам простирается водная гладь пролива Ист-Ривер. Я поворачиваю вправо, проезжая мимо административного корпуса, и вскоре останавливаюсь рядом с тюремным кампусом для заключенных.

Заглушив мотор, я выбираюсь из машины. У входа меня встречает Джозеф и еще один мужчина в строгом костюме.

— У тебя двадцать минут, — сенатор отдает мне пропуск. — На проверке безопасности сдай все металлическое. Постарайся вести себя сдержанно и не привлекай лишнего внимания.

Мой равнодушный взгляд отчетливо говорит, что я не собираюсь слушать его нотации.

— Дамиан, это неофициальное посещение, — настаивает Джозеф. — Оно может закончиться гораздо быстрее.

Спустя примерно двадцать минут над моей головой мерцает флуоресцентная лампа, когда я сижу в комнате для сви-

даний с кирпичными стенами.

До этого меня осматривали два надзирателя с такой тщательностью, что я предложил им заглянуть мне в задницу в поиске шоколадного пончика. Один из них потянулся к дубинке с садистской ухмылкой, явно мечтая устроить порку сыну самого Грэга Фэллона.

Я был не против врезать в его жирную сердитую рожу. Но, к моему разочарованию, его остановил второй страж.

Металлический скрежет заставляет меня поднять взгляд. Раскрывается дверь со стальными прутьями, и в комнату заходит тюремный надзиратель. За ним следует высокий, хорошо сложенный мужчина.

Мой взгляд встречается с синими пронзительными глазами, и у меня сжимается сердце.

Отец.

На нем серая форма заключенного, и от ее вида мне хочется крушить все вокруг.

Отец взрывал целые здания и держал в ужасе город. На его счету больше дюжины покушений, которые он пережил. Одно упоминание его имени вселяло в людей страх, а его тяжелый взгляд заставлял содрогаться.

И теперь он находится *здесь*, будто не был когда-то чертовым королем опасного преступного мира.

Конвоир снимает с него наручники, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сжать кулаки. Нельзя показывать отцу, что я возмущен его положением.

Уверенной и спокойной походкой он идет к столу и садится напротив меня. Его черные волосы с проседью гладкие и короткие по бокам. Несколько прядей спадают на лоб, создавая тень над глазами с густыми бровями.

Отец поднимает руку и прижимает ее к перегородке. Я до-трагиваюсь до его ладони сквозь стекло, наблюдая, как шевелятся его губы, когда он произносит мое имя.

Дами.

Другой рукой он тянется за телефонной трубкой. Я делаю то же самое.

— Когда ты вернулся? — в динамике раздается его низкий голос, и неосознанно я задерживаю дыхание.

Я слышу его впервые за пятнадцать лет.

— Сегодня ночью.

Отец молчит и внимательно рассматривает меня. Его пронизательный взгляд задерживается на моей разбитой губе. На моих поврежденных костяшках. На черном деловом костюме Brioni.

Его я обнаружил у себя в комнате сегодня утром, и за завтраком Ребекка сказала, что велела горничной выкинуть мое старое тряпье.

Отец мягко улыбается, будто догадывается об этом.

— Джозеф сказал, что у тебя проблемы, — говорю я, и улыбка мгновенно пропадает с его лица. — Я здесь, чтобы помочь тебе.

— Если хочешь помочь – возвращайся в Лондон. Твое

время еще не пришло. Ты не должен здесь быть, — напряженно произносит он. — Ребекка во всем разберется.

Я стискиваю зубы.

Почему она, а не я?

— Если ты забыл, — я стараюсь говорить спокойно. — У тебя есть сын.

— Повторяю еще раз: возвращайся в Лондон. Ребекка контролирует ситуацию.

Во рту появляется привкус горечи. Я смотрю в ледяные глаза отца и будто переносюсь назад в аэропорт.

Как маленький мальчик, сдерживая слезы, уговаривал не бросать его. Уговаривал оставить его в родном доме рядом с семьей.

Но отец, как всегда, был непреклонен. Словно каменная скала.

Никаких чувств. Никаких эмоций. Никакого сердца.

— Ты такой же, каким я тебя запомнил в нашу последнюю встречу. Ты ни черта не изменился за пятнадцать лет. Вот только я уже не мальчишка и больше не обязан слушать тебя, — я надеюсь, эти слова поставят его на место.

Отец поднимает руку и ударяет кулаком по стеклу.

— Ты ни черта не знаешь! — гремит он. — Не лезь не в свое дело!

Я втягиваю воздух сквозь ноздри и резко встаю, громко опрокинув стул.

— Надеюсь, ты не ошибся в Ребекке. Иначе у тебя есть

все шансы сгнить *здесь*.

С этими словами я разворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как невидимый груз давит на плечи.

— Судя по твоему виду, встреча с отцом прошла не так, как ты себе ее представлял, — у машины меня дожидается Джозеф, засунув руки в карманы.

Я прохожу мимо него, делая вид, что внутри все не разваливается на части.

Пошел он к черту. Пошли они все.

— Дамиан... — Джозеф пытается остановить меня.

Мои руки сжимаются в кулаки так сильно, что ноют пальцы. Я хватаю сенатора за галстук и впечатываю его в кузов автомобиля.

— Эта встреча прошла именно так, как я себе ее представлял, — рявкаю я.

Джозеф смахивает с себя мои руки и поправляет галстук.

— Буду с тобой откровенен, — его голос звучит с поразительной искренностью. — Ты здесь не для того, чтобы помогать своему отцу. Для этого есть адвокаты. Ты здесь, чтобы занять место Грэга, пока он не окажется на свободе.

Он прищуривается и продолжает:

— В последнее время происходит какая-то чертовщина, и мне это не нравится. Твой отец слишком многое позволяет Ребекке. Ты его родной сын, а не она.

— Отец сделал свой выбор, и я не собираюсь его пере-

убеждать.

Я хотел помочь, но отец видит меня таким же, каким видел пятнадцать лет назад.

Слабым, бесполезным, никчемным.

— А теперь я возвращаюсь в Лондон. Для тебя будет лучше, если я тебя там больше не встречу.

— У тебя такой же характер, как и у твоего отца. Если бы он хоть раз меня слушал, он бы не оказался в тюрьме. Твоя мать была бы жива. А ты никогда не оказался бы в Англии.

Джозеф опускает ладонь мне на плечо, и я думаю о том, чтобы сломать его гребаную руку.

— Дамиан, давай сядем в машину. Не хочу, чтобы нас слышали, — сенатор понижает голос.

Я медленно выдыхаю, по-прежнему чувствуя, как невидимый груз тянет меня вниз.

К черту все.

Уже через час меня здесь не будет.

Не желая больше ни о чем думать, я сажусь в машину. Джозеф забирается следом за мной. Он достает из дипломата папку и протягивает ее мне.

— Я кое-что узнал по своим каналам. Что с этим делать — решать тебе.

Я небрежно раскрываю документы и вижу копию, похожую на проходной билет. На нем все написано на французском. Крупным шрифтом выделяется надпись «L'etoile».

— Это закрытый ночной клуб Ниццы, — говорит Джозеф.

— Сегодня дочь Альфи должна быть здесь.

София Эйнсворт.

Значит, сенатору все-таки удалось на нее выйти. У нас появился шанс заставить ублюдка замолчать.

Впрочем, плевать. Нет никаких «нас».

Сегодня отец дал ясно понять, чтобы я не лез в это дело.

— Передай это Ребекке, — я возвращаю папку обратно.

В этот момент из документов вылетает фотография и приземляется рядом со мной на сиденье. Я опускаю взгляд и вижу снимок мужчины. У него строгие черты лица: угловатая челюсть и острый взгляд, отражающий уверенность.

Я сосредоточенно смотрю на фотографию, пока мои мысли крутятся где-то совсем далеко.

Однажды я уже видел его...

Я сижу на заднем сиденье машины рядом с папой. Мы оба в черных смокингах. Сегодня мы первый раз посетили оперу и теперь возвращаемся домой по переулку Нью-Йорка.

За окном поздний вечер, и на улицах мало людей. Спереди едет черная машина, и сзади кортеж из трех таких же тонированных автомобилей.

Папа сжимает мою руку, поглядывая на дорогу. Внезапно я дергаюсь вперед от резкого торможения, но папа удерживает меня на месте. Я выглядываю из-за его плеча и вижу мусоровоз с большой кабиной. Он заблокировал проезд.

Еще два фургона с визгом тормозят с обеих сторон нашей машины. Дверца одного из них раскрывается, и отец тянет-

ся под сиденье. Он достает оттуда автомат, а затем поворачивается ко мне:

— Дамиан, спрячься под сиденье и закрой голову руками, — предупреждает он. — Чтобы ни случилось, не выходи из машины.

Сквозь окно я наблюдаю, как из машин кортежа выбегают люди отца. А дальше начинается хаос. Гремят выстрелы. Редкие прохожие с воплями разбегаются в стороны.

— Дамиан, ты понял меня? — спрашивает отец, и я быстро киваю.

Он выбирается из машины, и выстрелы становятся громче. Отец открывает ответный огонь. У него всегда много охраны, но он никогда не прячется за чужими спинами.

Я вижу, как один из наших людей падает на землю. Из его руки выскальзывает пистолет, а мозги растекаются по асфальту.

Я сажусь на пол и делаю то, что велел папа. Со всех сторон слышу выстрелы, автоматную очередь, звуки разбитого стекла. Я жду, когда закончится этот ад. Кажется, ему нет предела.

Внезапно кто-то рывком распахивает дверь с моей стороны. На меня накидывают что-то тяжелое, и я едва успеваю понять, что это бронезилет.

— Быстро идем со мной!

Я поднимаю голову и вижу мужчину. Он точно не из лю-

дей моего отца. На нем форма спецназа.

— Папа велел ждать его здесь.

Он выдергивает меня из машины. Я пытаюсь вырваться, но мужчина крепко держит меня и не отпускает. Без усилий он поднимает меня на руки и куда-то несет.

Мимо со свистом пролетает пуля, и я зажмуриваюсь. Постепенно выстрелы затихают, а потом меня опускают на асфальт. Я тут же раскрываю глаза и вижу стремительно удаляющуюся высокую фигуру.

Незнакомец уходит все дальше и дальше по переулку.

Я продолжаю смотреть на снимок мужчины.

— Я видел его в день, когда произошло покушение на отца на Малберри-стрит, — я поднимаю взгляд на Джозефа. — Кто он?

— Специальный агент ФБР. Мейсон Данкрофт. Он ведет дело твоего отца, — сенатор поднимает снимок и несколько секунд на него смотрит. — Мейсон враг Фэллонов. Он всю жизнь пытается посадить Грэга в тюрьму. Сейчас он близок к своей цели как никогда.

— Не знал, что у моего отца еще остались живые враги, — задумчиво протягиваю я. — Почему он все еще жив?

— Твой отец запретил его трогать, — мрачно отвечает Джозеф. — Если хочешь знать почему – спроси у него сам.

— Его нужно подкупить, — предлагаю я. — У всех есть своя цена.

— Кроме него, — категорично заявляет Джозеф.

— Тогда надави на него. У тебя же есть рычаги. Наверняка, в его биографии найдется то, за что можно будет зацепиться и отправить его на покой. А его место займет тот, с кем можно будет договориться.

— У этого федерала особые специальные полномочия. Даже я ничего не могу с ним сделать. Это тот самый случай, когда его не за что убрать.

— У каждого есть слабое место, — возражаю я.

— Это бесполезно. Его нельзя чем-то испугать, если он даже не боится твоего отца. Мейсон всю жизнь ходит по острию и не боится смерти. Везучий сукин сын.

Джозеф раскрывает папку и указывает на проходной билет в ночной клуб «L'etoile».

— Мейсон тоже ищет дочь Альфи. Я задействовал кое-какие связи, чтобы эти документы оказались первыми в наших руках. Но уже через два часа они лягут на стол к федералу. У тебя есть фора.

— Почему ты не можешь сделать это сам? — я вскидываю бровь.

— Слишком рискованно. Я политик. Если моя репутация пострадает, я уже ничем не смогу помочь твоему отцу.

Джозеф перелистывает документы и среди них находит еще один снимок. Отдает его мне, и на нем я вижу дочь Альфи Эйнсворга.

Во время фотосессии она ослепительно улыбается в камеру, как чертова королева красоты. И без сомнения, она знает

об этом. Тот блеск уверенности в ее зеленых глазах выдает в ней избалованную капризную стерву, готовую получить все по щелчку пальцев.

— Доставь дочь Альфи в Америку, — говорит Джозеф. — С ней у нас будет гораздо больше козырей. Но ты должен сделать все быстро. Если Мейсон найдет девушку раньше тебя, то мы потеряем рычаг давления на Альфи.

Джозеф снова тянется к дипломату и вынимает оттуда телефон.

— Это для связи. Он не отслеживается и не прослушивается, — сенатор поднимает взгляд и пристально на меня смотрит. — Пришло время сделать выбор.

Глава 5. Убийца и тень

СОФИЯ

Я свободна.

Эта мысль не покидает меня, когда я танцую среди пьяной восторженной толпы. Мои волосы развеваются в воздухе, а губы открываются в такт треку «Frozen» Madonna. Под ногами дрожит пол, пока розовые лазерные лучи переключаются на синие.

— Луиза Лестьен заняла твое место, — громко говорит Амбер, стараясь перекрыть музыку. — Эта высокомерная

сучка завалит показ. Я слышала, что после ринопластики она похожа на Волан-де-Морта.

Я смеюсь, но внутри скрываю горечь от того, что приходится лгать подруге. Я не могу назвать Амбер настоящую причину, почему я здесь оказалась. Вдали от дома и всего, что было для меня дорого.

Я снималась для журналов мод и вышагивала по подиуму. Сотрудничала с брендами и небрежно отмахивалась от повышенного внимания таблоидов. Это было мое дело, моя победа и неотъемлемая часть моей жизни.

Но мне пришлось попрощаться со всем, к чему я стремилась последние несколько лет. Я была вынуждена расторгнуть контракт на обложку журнала Vogue и отказаться от участия в показе весенней коллекции Александра МакКуина.

Луиза Лестьен давно дышит мне в затылок, хоть я и не считаю ее соперницей. Но легко утаить правду, прикрываясь жесткой конкуренцией модельного бизнеса.

— Когда ты вернешься, Луиза от злости наложит кирпичей с Эйфелеву башню, — с надрывом произносит Амбер.

— Забудь о Луизе, — я качаю головой. — Мой ретрит продолжается.

Амбер переключает внимание на высокого светловолосого парня в цветастой узорчатой рубашке от Gucci. Судя по ее хищному взгляду и прикусанной нижней губе, этот красавчик сегодня станет ее жертвой.

Моя подруга с легкостью заводит интрижки на одну ночь и с той же легкостью их разрывает.

— Мне одной кажется, что он похож на Пола Уокера? — спрашивает Амбер.

— Что-то похожее есть, — с улыбкой отвечаю я. — Но его рубашка просто ужасная.

— Это не проблема, — она подмигивает мне. — В конце концов, я могу ее с него снять.

Амбер оставляет меня, направляясь к парню и начиная с ним танцевать. Я разворачиваюсь, чтобы отправиться к бару. Мне нужно еще пару коктейлей, чтобы потеряться в этой ночи.

Несмотря на то, что последние дни я провела в уединении, сейчас я чувствую себя не менее одинокой в переполненном клубе.

Я потрясенно выдыхаю, когда кто-то врывается в меня. В следующее мгновение что-то прохладное пропитывает ткань моего платья и стекает по ложбинке груди.

— Je suis désolé!¹¹, — сквозь громкую музыку раздается голос на ломаном французском. — Я такой неуклюжий.

Я отрываю взгляд от мокрого пятна на платье от Versace и поднимаю голову. Парень с белоснежной улыбкой чуть старше меня держит пустой бокал из-под коктейля.

— Ce cocktail était pour toi!¹², — он наклоняется, чтобы

¹¹ Мне так жаль (в переводе с французского).

¹² Этот коктейль был для тебя (в переводе с французского).

я могла его слышать. — Позволишь мне тебя угостить?

Я все равно собиралась заказать себе какой-нибудь шот, поэтому принимаю его предложение. По крайней мере, на нем нет безвкусной цветастой рубашки. Мы подходим к барной стойке и занимаем места.

— Ты из Америки? — спрашиваю я, рассматривая парня.

Его русые волосы стильно уложены, но на них столько геля, что им можно покрыть весь Лазурный берег от Ниццы до Канн.

— Если ты про мой французский, ты не первая, кто говорит, что он ужасен.

— Не обижайся, но так и есть, — я предлагаю ему перейти на английский.

Перед нами появляется бармен, и парень заказывает «Жа-клин».

— Откуда ты знаешь, что я люблю этот коктейль? — интересуюсь я.

— Я наблюдал за тобой, — незнакомец продолжает сверкать идеально ровными зубами. — Ты мне понравилась...

Он многозначительно замолкает, ожидая, что я назову свое имя.

— Хэйзи, — лгу я.

— Тебе говорили, насколько ты красива, Хэйзи?

Миллион раз.

Я уклончиво пожимаю плечами.

— Иногда я слышу что-то подобное.

Бармен подает напиток, и я пододвигаю его к себе. Давлю соломинкой кусочек лайма и делаю глоток. Парень наблюдает за мной, высунув кончик языка и проведя им по нижней губе.

— Даже не спросишь, как меня зовут? — он снова задает вопрос.

Меня сложно назвать монашкой, но он не тот, с кем бы я провела ночь. И уж точно меня не интересует его имя.

— Или ты предпочитаешь не знать имена тех, кого впускаешь в постель, Хэйзи? — парень пододвигается ближе, и я тотчас соскальзываю с барного стула.

— Спасибо за коктейль, — я отодвигаю от себя пустой бокал. — Я заплачу за него сама.

Я достаю из сумочки смятую купюру в двадцать евро и бросаю ее на барную стойку.

— Мне пора.

Я разворачиваюсь, но парень обхватывает меня за локоть.

— Скажи хотя бы свой адрес, — говорит он, опустив взгляд на мою грудь с мокрым пятном. — Я пришлю тебе новое платье с курьером. Иначе я всю жизнь буду корить себя.

— Не стоит, — я вырываю свою руку. — Я и так хотела сдать его в химчистку.

Я ухожу, стуча высокими каблуками по темному полу, и замечаю на танцполе Амбер, смеющуюся с двойником Пола Уокера. Приближается полночь, а я так и не отдала подруге подарок.

Знаю, что дарить часы – плохая примета. Считается, что стрелки подаренных часов на день рождения сокращают жизнь получателю.

Но когда я увидела их, не могла перед ними устоять. Уверена, они понравятся Амбер, и она бы их точно купила сама.

Я пытаюсь пройти к подруге сквозь танцующих людей, но неожиданно меня бросает в жар. Сердце принимается учащенно биться в груди. Немного ошеломленная, я останавливаюсь.

Бодрая ритмичная музыка сменяется на какой-то странный тяжелый ремикс. Свет стробоскопа начинает мерцать.

Я оборачиваюсь, и перед глазами все расплывается. Силуэты людей становятся размытыми, они двигаются будто в замедленной съемке. Я прищуриваюсь, пытаюсь вернуть зрению четкость.

— Через пару часов я уеду с Полом Уокером в отель Le Negresco, — рядом со мной появляется хихикающая Амбер. — Он собирается снять президентский люкс, а я сказала, что еще ни разу не занималась сексом напротив подлинников Пикассо и Дали.

— У меня для тебя есть подарок.

Я пытаюсь открыть сумочку, чтобы достать коробочку с часами. Но перед глазами все начинает кружиться. Чувствуя дезориентацию, я хватаюсь рукой за Амбер, чтобы удержать равновесие.

— Что с тобой? — обеспокоенно спрашивает Амбер. —

Тебе плохо?

— Мне нужно в дамскую комнату, — я повышаю голос, чтобы перекричать музыку. — Просто окуну лицо холодной водой, и все будет в порядке. Похоже, я не рассчитала свой алкогольный лимит.

— Я тебя провожу.

Амбер ведет меня сквозь толпу, и я сжимаю ее руку потной ладонью. Мы проходим тускло освещенный коридор и приближаемся к женскому туалету. С каждым шагом мои ноги подкашиваются и отказываются меня слушать.

— *Regarde-la. Sa soirée a clairement réussi!*¹³, — раздается чей-то смех.

Мимо проходят две девушки, и я слышу их голоса так, словно они звучат со всех сторон.

Амбер распахивает дверь. Я захожу в туалет и облокачиваюсь на раковину. Мои веки кажутся тяжелыми, тело слабеет. Такое ощущение, что меня клонит в самый мощный сон.

Я включаю кран и брызгаю на лицо холодную воду.

— Что ты пила? — голос Амбер проносится в сознании эхом.

Поднимаю голову и часто моргаю. Смотрю на отражение Амбер в зеркале, стараясь разглядеть ее лицо, обрамленное каштановыми кудрями.

— Парень из бара, — с трудом выдавливаю я. — Он что-то подмешал мне в напиток.

¹³ Смотри на нее. Ее вечер явно удался (в переводе с французского).

— Вот ублюдок! — ругается Амбер. — Тебе нужно в больницу. Я вызову...

— Мне нельзя в больницу, — я хватаю ее за руку, прежде чем она тянется к сумочке, чтобы достать телефон. — Ты кому-нибудь говорила, что собираешься прилететь ко мне в Ниццу?

— Нет, — она качает головой. — Я же тебе обещала...

— Амбер, скажи правду, — настаиваю я. — Кто-нибудь про меня знает?

Я пытаюсь сфокусировать взгляд на ее лице. Амбер виновато на меня смотрит, и в ее глазах мелькают тысячи сожалений.

— Стефан, — наконец признается она. — Он так за тебя волновался. Мне стало его жаль. Но я лишь сказала ему, что мы с тобой переписывались и с тобой все в порядке. Клянусь, больше никому ни слова!

Перед глазами все расплывается и темнеет. Но я продолжаю бороться с головокружением и оставаться в сознании.

— Ты должна вытащить меня отсюда незаметно для всех. Обещаю, я тебе потом все объясню, — мое состояние не позволяет мне произнести что-то еще.

— Хорошо. Мы сейчас же... — Амбер резко замолкает, когда раздается металлический щелчок.

Я вздрагиваю и открываю рот. С губ срывается беззвучный вопль.

Голова Амбер дергается, а ее глаза расширяются и засты-

вают от шока. Она неотрывно смотрит на меня, пока на ее виске зияет круглая маленькая точка. Спустя мгновение из нее вытекает густая капля крови.

Страх парализует меня, когда Амбер падает на пол и больше не двигается.

— Если бы ты сказала мне свой адрес, она бы осталась жива, — раздается насмешливый мужской голос. — Я ненавижу принимать отказы.

Я перевожу взгляд и в отражении зеркала вижу размазанный мужской силуэт. Но по голосу узнаю в нем парня, который угостил меня выпивкой.

Перед глазами пляшут черные точки, но на мгновение зрение почти проясняется. Убийца держит перед собой пистолет с глушителем, направленный прямо на меня.

Внезапно дверь в туалет раскрывается, и высокая тень сбивает убийцу с ног. Он падает на пол, и я слышу глухие звуки ударов.

Голова кружится сильнее и сильнее. Собрав остатки сил, я хватаюсь за край раковины и разворачиваюсь. Я снова моргаю, пытаюсь сфокусироваться.

Тень сидит на убийце и наносит нескончаемые удары по его лицу. Даже сквозь туман перед глазами я замечаю, как каждое его движение пропитано яростью.

Удар.

Удар.

Треск сломанных костей.

Снова удар.

Силы покидают меня. Ослабленными руками я пытаюсь ухватиться, чтобы удержаться в вертикальном положении. Но у меня ничего не выходит. Я сползаю на пол и прижимаюсь к холодной стене, чувствуя, как дрожь пронзает мое безвольное тело.

Я закрываю и открываю глаза. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем тень поднимается. Все вокруг кружится, и я не могу его отчетливо рассмотреть. Я вижу его черты отдельными фрагментами, как кусочки пазла.

Черные волосы.

Высокий.

Сильный.

И грозный.

Сквозь притупленную вещами панику я наблюдаю, как он хватает с пола убийцу и выдергивает из его руки пистолет. Раскрывает кабинку и заносит парня с окровавленным лицом внутрь.

А затем он засовывает в рот убийцы дуло пистолета и нажимает на курок.

Раздается отчетливый звук металлического щелчка, звенящего в голове эхом.

Дальше все происходит слишком быстро. Кровь окрашивает стены. Тень подхватывает лежащую на полу Амбер. Я пытаюсь закричать, но из меня выходит лишь шепот.

— Не... трогай... ее... — мои губы дрожат.

Тень заносит Амбер в кабинку и оставляет мою подругу с ее убийцей. Закрывает дверь и замахивается, ударяя рукояткой пистолета по ручке двери. Она отделяется и падает на пол.

Затем тень приближается и склоняется надо мной. Я смотрю в его темно-синие глаза. Его губы шевелятся, но я не могу разобрать слов сквозь завесу белого шума.

Мои веки опускаются, и мир погружается в темноту.

Я выхожу на подиум старейшего дома моды в Париже. На мне кружевные лифчик и трусики из последней коллекции Carine Gilson¹⁴. Сквозь полупрозрачную черную ткань проглядывают соски, но это не беспокоит меня.

Главное, никто не увидит, как бешено колотится в груди мое сердце. Я давно научилась скрывать свои эмоции и источать уверенность вместо волнения.

Мой взгляд пробегается по первому ряду зрителей с обеих сторон. Нет ни одного свободного места. Сегодня здесь собрались все сливки модного бизнеса: редакторы крупных журналов, фешн-критики, знаменитые актеры, начинающие модельеры и светские львицы.

Я начинаю идти мимо них, и раздаются аплодисменты. По правилам проведения показа нужно держать «нейтральное лицо». Но мои губы невольно растягиваются в улыбке.

¹⁴ Carine Gilson — люксовый бренд белья, созданный французским дизайнером Карин Жильсон.

Я продолжаю уверенно идти и смотрю вперед. Дохожу до края подиума и останавливаюсь.

В этот момент на меня обрушиваются вспышки фотокамер. Они ослепляют меня, но я привыкла к этому и не моргаю. Я приветствую дюжину фотографов, которые выкрикивают мое имя.

Щелк.

Щелк.

Щелк.

Внезапно зрители, аплодисменты и фотографы пропадают. Темнота окутывает все пространство вокруг. Остаются только вспышки фотокамеры.

Щелк.

Щелк.

Щелк.

Сквозь закрытые веки мелькает свет. Моя голова лежит на чем-то твердом, а щека прижата к прохладной кожаной обивке. С трудом раскрываю глаза и прищуриваюсь от очередной вспышки.

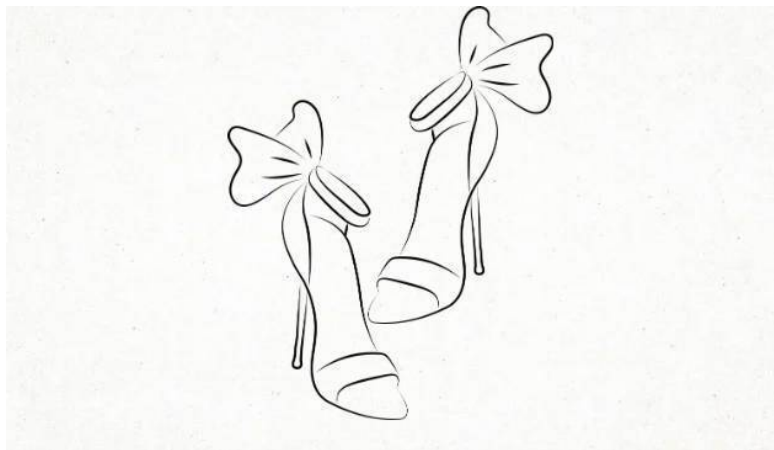
Я едва вижу, как в полумраке чья-то рука держит перед моим лицом телефон.

— Кто ты? — пытаюсь выдавить из себя.

Но в моем рту пересохло, и мои слова звучат едва слышно. Головокружение усиливается с невероятной скоростью. Мои веки наливаются тяжестью.

Очередная вспышка ослепляет меня, прежде чем я снова

теряю сознание.

Глава 6. Вторжение

ДАМИАН

Я нажимаю на курок, и его мозги разлетаются по стене. Отпускаю его, и он замертво падает на унитаз. С моих пальцев стекает его кровь, пока я смотрю на его изувеченное лицо.

Кто он, мать его, такой?

Для чего ему понадобилось убивать дочь Альфи?

В любом случае, поздно задавать такие вопросы.

С ним покончено.

Я ставлю Glock на предохранитель и поднимаю мертвую девушку. Заношу ее в кабину и закрываю дверь. Ударяю рукояткой пистолета по ручке, чтобы ее нельзя было открыть с наружной стороны. Это поможет выиграть немного времени.

Убираю пистолет за пояс, разворачиваюсь и приближаюсь к Софии. Наклоняюсь и вижу, как ее губы беззвучно шевелятся. Она пытается что-то сказать, пока ее расфокусированный взгляд блуждает по моему лицу.

Ее глаза встречаются с моими, а затем она опускает веки.

— Эй, — я хватаю ее за плечи. — Смотри на меня. Не отключайся.

Ее голова безвольно опускается. Я убираю в сторону ее волосы, обнажая шею, и подношу пальцы к сонной артерии. Нашупываю пульс, и в этот момент в коридоре раздаются приглушенные голоса.

Опускаю Софию на пол, иду ко входу и по пути беру табличку с на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.